

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ
РУССКОГО ЯЗЫКА В АМЕРИКЕ.

A GUIDE TO TEACHERS OF
THE RUSSIAN LANGUAGE IN AMERICA

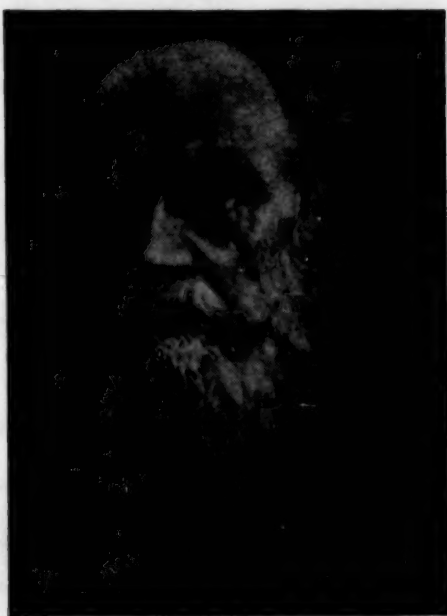
A PEDAGOGICAL JOURNAL IN RUSSIAN

No. 19 - 1950

1950

"THE BRIGHTEST STAR
OF RUSSIAN LITERATURE,"
PUSHKIN

"THE GREAT WRITER
OF THE RUSSIAN LAND,"
LEO TOLSTOY

MEDFORD, OREGON, U.S.A.

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. От редактора..... 1-VI.
2. М.А.Полторацкая. Яфетическая теория Марра или
Новое Учение о Языке.....1-46.
3. Георгий Гребенщиков. Дорога к сердцу Франции
/Фрагменты воспоминаний о Поле
Буайе/.....47-69.
4. Проф.О.А.Масленников. Профессор Георгий Карлович
Нойс и преподавание русского
языка в Калифорнийском универ-
ситете..... 70-75.
- 5.Н.П.Автономов.Памяти отошедших/И.Т.Гладченко,
Dr. Alexander Stacey, Dr. Joseph J. Raymond,
Д.В.Загорского,доктора философии Е.А.
Москова/.....76-87.
6. Хроника. Из жизни ААТСИИЛ США и его Орегонского
отдела.....88-93.
- 7.Библиография.94-100
 - I.Prof. A. W. Wainman. "Intermediate Russian
Reader" by Natalie Duddington, M. A.
"Structure Drill in Russian", by F. S.
Branigan and V. Jukova.
 - Н. П. Автономов. "Russian in songs" by
Anna Levaaka.

ОТ РЕДАКТОРА.

С особым удовлетворением Редакция журнала публикует статью доктора философии Марианны Артемьевны Полторацкой- Якобическая теория Марра или Новое Учение о языке.

Как можно видеть из статьи, последняя имеет, можно сказать, злободневный характер, так как в самое последнее время в советской науке наблюдалась оживленная дискуссия по наиболее существенному вопросу советской лингвистики - теории академика Марра.

Уже самый факт широкого обсуждения марризма, царившего в советском языкознании почти три десятилетия и признававшегося Советским Правительством и Политбюро ВКП/б/ ортодоксальной доктриной, был показателен ввиду служебного положения науки в отношении политики в Советском Союзе. Показательным оказался и заключительный момент отмеченной полемики - вопрос о марризме был, в конце концов, решен не представителями русской филологической науки, а главой Советского Союза, и теперь все советские филологи должны беспрекословно следовать новому курсу политики в языкознании.

И если отныне с марризмом в СССР "покончено", и в истории советского языкознания открыта новая страница, то марризм, как лингвистическая теория, несколько, может быть, видоизмененная, еще долго будет привлекать к себе внимание филологов, и не только советских.

Понятно, поэтому, что Колумбийский университет, учитывая естественный интерес американских лингвистов к советскому языко-

знанию, пригласив доктора Полторацкую выступить с докладом о теории Марра, дававшей докладчику возможность нарисовать и общую картину работы в области советского языкознания.

Предлагаемая вниманию читателей небольшая, сравнительно, статья доктора Полторацкой вводит нас в самую суть советской лингвистики, и неудивительно, что доклад, посвященный марризму, привлек к себе большой интерес американских лингвистов и в известной степени содействовал подготовке их к большому диспуту о марризме, который состоялся в мае н. года в Колумбийском университете и прошел с исключительным оживлением.

Доклад и диспут прошли незадолго до того, как в Советском Союзе Сталиным было произнесено "последнее слово", разрешившее спорный лингвистический вопрос. Это "слово" Сталина интересно и тем, что он теперь сам опроверг то, что поддерживал в течение последних 30 лет. Редакция приводит это "последнее слово" в приложении к докладу М.А. Полторацкой. Несомненно, это "последнее слово" усиливает интерес к марризму, а тем самым и к статье М.А. Полторацкой.

Придавая этой статье большое значение и отводя ей центральное место в данном номере журнала, редактор не может не выразить большого удовлетворения в связи с тем, что в последние годы, в результате 2 Мировой войны, в США появился ряд очень ценных работников в области славяноведения, Русский яз., русская литература, русская культура/в широком смысле/ представлены теперь в США новыми и крупными силами, и это должно радовать всех тех, кому близки в Америке интересы русского языка и сопутствующих ему дисциплин.

Редактор считает возможным выразить свою уверенность и в том, что автору статьи о марризме-доктору М.А. Полторацкой- будет по праву принадлежать одно из видных мест среди представителей теоретических и практических работников в области русского языка в Америке.

А данных для этого у доктора Полторацкой много- она обладает завидной квалификацией:

- 1, Она в совершенстве владеет русским языком,
- 2, прошла длительный путь русской школы, закончив его в Ленинградском университете,
- 3, она-доктор философии по отделу филологии, получив это звание в Ленинграде и в Австрии,
- 4, у нее очень солидный педагогический стаж-профессура в русских университетах/в Ленинграде и Ростове-на-Дону/, в Педагогических институтах/ в Ленинграде, Ростове-на-Дону/, в Академии Наук- в Научно-Исследовательском Институте Языка и Мышления в Ленинграде.
- 5, у нее достаточный административно-педагогический опыт в качестве главы Русского отделения высших учебных заведений,
- 6, она обладает опытом преподавания русского языка и литературы иностранцам-работала в Австрии/Грац/- в университете и Славянском Институте, а также на особых курсах для английских военных в Английской военной зоне в Австрии,
- 7, за короткий срок своего пребывания в США она читала лекции в Колумбийском университете, в Русской летней школе в Middlebury, работает в настоящее время, как методист русского языка в Army Language School (Presidio of Monterey),
- 8, у нее несколько солидных печатных работ,
- 9, у нее ряд готовых разработанных курсов/по славянской филологии, по языковедению, по русскому языку и литературе, которые она может дать теперь же,
- 10, она обладает солидными рекомендациями.

11. Статья Георгия Гребенщикова - Дорога к сердцу Франции/Фрагменты воспоминаний о Поле Буафе написана и исполняемая 1 октября настоящего года первой годовщине со дня смерти выдающегося французского слависта.

В этой статье Георгий Гребенщиков выступает не как профессор русского языка, литературы, истории и культуры во Florida Southern College, а как писатель-автор Чураевых, Былины о Микуле Буяновиче, Гонца, В просторах Сибири и других своих произведений, как создатель Чураевки и один из основных деятелей издательства ALTAIS.

Георгий Гребенщиков рисует Поля Буафе с особой точки зрения - из учета тяжелых первых лет русской революции. И в узких рамках его очерка перед нами не мало ее отзвуков:

а, ряд незабываемых картин "исхода" русских из России, тяжелых, волнующих картин,

б, жизнь русских в эмиграции, социальные ее группировки, несколько громких имен русских публицистов, журналистов, писателей / в частности, и оставшихся в России/, военных, представителей русской интеллигенции;

в, ряд эпизодов, иногда очень красочных, жизни за границей /в Западной Европе, в Америке/ и автора очерка, писателя Георгия Гребенщикова, эпизодов тем более интересных, что они касаются жизни и деятельности одного из наших крупных русских современных писателей.

И на фоне этой картины вырисовывается привлекательный образ Поля Буафе, сыгравшего большую роль в жизни автора очерка, неизменного и искреннего друга русских, готового всячески помочь и от-

дельным русским людям и русским вообще, оказавшимся в тяжелом положении после исхода из России. И мы невольно начинаем испытывать глубокое уважение и симпатию к Полю Буафе, большому патриоту, культурнейшему человеку, роль которого становится еще большей, если мы учтем заголовок статьи автора — Дорога к сердцу Франции.

Узкие рамки очерка, обусловленные размерами настоящего журнала, не позволили автору очерка шире и глубже коснуться вопроса, и при чтении очерка ясно чувствуется, что автор иногда только намечает тему, иногда ограничивается намеком, иногда пользуется только некоторыми штрихами, — во всяком случае — постоянно сдерживает себя, что, впрочем, он и сам отмечает. Указанные особенности письма автора — его законное право, конечно, но редактор признает для себя возможным дополнить и уточнить некоторые положения автора очерка, воспользовавшись хотя бы одним примером, имеющим к тому же непосредственное отношение к Полю Буафе.. Георгий Гребенчиков признает, что Поль Буафе сыграл в его жизни большую роль, в частности, отмечает "очень лестный" отзыв Поля Буафе о "Былине о Микуле Буяновиче".. "Очень лестный".. Да, конечно, "очень лестный".. Но позвольте раскрыть истинное содержание этого отзыва, Георгий Гребенчиков из излишней, вероятно, авторской скромности, уклонился от этого. Сделаем за него это мы. Отзыв Поля Буафе о "Былине о Микуле Буяновиче": "В Былине Гребенчиков сразу-классик"... А мы знаем, что значит "классик", и мы должны помнить, кто назвал Гребенщикова "классиком"...

Несомненно, очерк Гребенщикова будет прочитан с большим интересом в настоящее время, а в будущем он поможет лицам, изучающим жизнь и творчество писателя, познакомиться с некоторыми интересными фактами его биографии и выяснить некоторые его взгляды на литературу, искусство, жизнь и людей....

111. Статья проф. О.А.Маслонникова перепечатана из журнала День Русского Ребенка. Основания опубликования статьи в настоящем журнале понятны, конечно: нам нужно знать наших больших людей в нашей области, а положение проф. Г.К.Нойса в области славяноведения в Америке — общепризнанно.

IV. Ввиду того, что оборудование издательства остается пока очень скромным, статья И.А.Полторацкой оказалась технически трудной для напечатания, что читатель заметит, конечно, и, может быть, поймет и извинит издательство.

У. Редактор напоминает подписчикам и читателям журнала об объявленных им в конце прошлого года/ см. №№17-18 журнала/ • некоторых изменениях выхода журнала в 1950 и 1951 гг./ сравнительно с указанными на обложке журнала/: он будет выходить два раза в год /в конце первого и второго полугодия/ будет давать от 100 до 120 страниц текста в каждом номере; плата за журнал остается прежней.

М.А. ПОЛТОРАЦКАЯ.

ЯЗЫЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАРРА

или

НОВОЕ УЧЕНИЕ О ЯЗЫКЕ.

/Доклад, прочитанный в Колумбийском университете в мае 1950 г./

1. Биографические данные о Н.Я. Марре.

Николай Яковлевич Марр, создатель советского материалистического языкознания, родился в 1863 году на Кавказе, в городе Кутаисе /Грузия/. Отец его был шотландец Яков-Монтегг-Марр, а мать - грузинка Агафья Шарашидзе-Магулария. Сам Марр в своей автобиографии так говорит о своем происхождении: "Рождение мое, да и детство, почти легендарно.. Отец мой старик - шотландец, мать-молочная грузинка из Гурии. Хотя в числе родных по отцу были и французы, и англичане, и испанцы, но детство мое прошло исключительно среди грузин". х/

Отец Марра по своей профессии был садовод; он переселился из Англии на Кавказ в 1822 году, и под Батумом, в районе Чаквы, первый стал разводить чайные плантации и основал сельскохозяйственную школу. Отец Марра имел университетское естественно-историческое образование. Будучи уже старым человеком, Яков Марр женился на своей молодой работнице, гурийке. От этого брака в 1863 году родился Николай Яковлевич Марр. Но в раннем еще детстве Н.Я. потерял отца; мать Н.Я. переехала на свою родину, в город Гори, близ Кутаиса, и здесь, среди родственников матери, Н.Я. получил х/ Н.Я. Марр. Избранные сочинения, т.1.

чил чисто грузинское национальное воспитание. Грузинский язык с младенчества и несколько позже армянский сделались его родными языками. Русского языка, до поступления в гимназию, он почти не знал. Среднее образование он получил в Кутаисской гимназии; по окончании ее, в 1884 году, он поступил в Петербургский университет на факультет Восточных языков/как стипендиат Кавказского Учебного Округа/. По окончании университета Марр был оставлен при кафедре армяно-грузинской филологии. В 1901 году он защитил докторскую диссертацию на тему: "Толкование Песни Песней по Афонскому списку 978 года" и с текстами на других языках: греческом, сирийском, армянском, и получил звание ординарного профессора и кафедру армяно-грузинской филологии.

Параллельно с филологией Марр в это же время занимается и археологией, преимущественно археологией Закавказья в частности, ведет многолетние раскопки армянского городища Ани/с 1901 по 1903 год/. Цель этих раскопок — показать генетическое родство историко-культурных явлений Грузии и Армении.

В 1909 году Марра избирают в адъюнкты Академии Наук; в 1911 — деканом факультета Восточных языков; в 1912 году Марр руководит археологическими раскопками в турецком Лазистане и проводит лингвистическое обследование Сванетии и Абхазии; в 1915 г. Русское Археологическое Общество присуждает Марру большую золотую медаль за раскопки в Азии и в турецкой Армении. К этому времени все более расширяются филологические исследования Марра в области разнообразных кавказских языков, и утверждается им положение об общности культур Кавказа и передней Азии, а так-

же о наличии, рядом с семитическими и индоевропейскими, неизвестного еще науке третьего элемента — яфетического.

Октябрьскую революцию 1917 года Нарр воодушевленно приветствовал и сейчас же перешел на сторону Советской власти, вступив вскоре в члены ВКП(б) — Всесоюзной Коммунистической партии /большевиков/. В первые же годы Советского правления Нарр достиг вершин научной и служебной карьеры: профессор Петроградского университета, декан факультета Восточных языков, председатель Археологической комиссии, директор нескольких научно-исследовательских институтов, действительный член Академии Наук.

В эти же годы Нарр продолжает изучение языков Кавказа, живых и древнеписьменных, исследует бесписьменные языки: нентгельский, чанский, сванский и "горские" — кавказские языки Абхазии и Дагестана, возобновляет занятия этрусскими и баскскими, углубляется в изучение материалов, привезенных из экспедиции на Памир, особенно вершицкого языка /вершики — яфетиды, живущие у подножия Памира/. Вершицкий язык Нарр определяет так же, как яфетический, находящийся в иранском окружении. Таким образом, граница яфетических языков, по утверждению Нарра, с Кавказа расширяется до Средней Азии, а на запад по югу России /Нарр исследует слово "скиф" и относит его по элементу SAL к яфетическому строю/, и далее по побережью Средиземного моря до Ибериев. Так, термин "этруски" /элемент Roш/ оказался, по мнению Нарра, также яфетическим, имеющим многочисленные параллели в племенных названиях Кавказа. В это же время Нарр исследует и другой, не изученный еще наукой народ Средиземноморья — басков. Баскский язык так же, как и этрусский

Нарр определяет как яфетический по грамматическим категориям — фонетике, морфологии, а также и по лексике. Наличие яфетидов по Средиземному морю Нарр объяснял миграцией их с Кавказа и в связи с этим выдвигал новый и сложный вопрос о роли яфетидов в создании Средиземноморской/т.е. общеевропейской/ культуры.

Впоследствии Нарр нашел яфетический слой и в китайском языке; таким образом, яфетиды, по его исследованиям, распространились на восток до Великого океана. Исследуя финно-угорские языки, Нарр установил и в них яфетические элементы. На основании этого Нарр продлил древний слой вплоть до Ледовитого океана. Дальнейшие исследования привели Нарра к установлению яфетического слоя и в африканских языках в Северной Африке — берберском, и в Южной — готтентотском. Таким образом, Нарр устанавливает охват "яфетидами" всей "Афроевразии".

Но все свои открытия в области яфетических языков в это время, то есть, в 20-ые годы, Нарр подчинял еще принятой общепринятой теории индоевропеизма, и вплоть до 1920-1921 гг. он не проявлял еще своей революционности в научных положениях. Но 1920-1921 годы явились переломными в методологии Нарра и вместе с этим во всем советском языкознании. А именно, в 1920 г. Нарр выступает в Академии Наук с докладом "Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры". В этом докладе Нарр открыто говорит против индоевропеизма и закладывает основы новой теории — Яфетической, или Яфетидологии. Об этом Нарр говорит так: "Я вынужден сам изменить всю основу, если не выбросить, то перевернуть и перенести старый фундамент. Индоевропеистика не сумела выйти из заколдованного круга избранных индоевропейских народов. В проблеме о процессе раз-

вития мировой культуры лингвистический индоевропеизм оказался роковым орудием, жертвывая торжеством... Индоевропеистика, загнувшись в изучение индоевропейских языков, не могла объяснить наличия в центре происхождения европейской культуры Средиземноморья, наряду с семито-халитами и индоевропейцами, третьего, неразъясненного ее элемента, свидетельствуемого памятниками материальной культуры, языком, пережитками религиозных верований. Этот третий элемент яфетический. Население всего Средиземноморья, от Кавказа до Пиренейского полуострова, было яфетическим, перенесшим с собой на места нового расселения свой язык, материальную культуру, верования, эпос. И поэтому необходимо разрушить стены, воздвигаемые между Западом и Востоком, и в культурном, и в генетическом отношении. Деление человечества по физическим признакам в корне ошибочно. Совершенно ошибочно также деление языков по их типологии на языки культурные и отсталые, так как аморфный, синтетический и флективный строи языки не три параллельных, а три хронологически последующих друг за другом типа... Творчество по созданию языковых видов не прекращалось с возникновением первого типа речи; в жизни возникали новые материальные данные, и ими вызывались стимулы к новотворчеству" и т.д.

В 1921 году, в связи с расширением круга языков, изучаемых Яфетидологией, и выхода ее за пределы кавказоведения, Нарт создал Институт Яфетидологических исследований, переименованный несколько позже в Яфетический Институт, а в 1931 году - в Институт Языка и Мышления.

Решительный сдвиг в основной концепции Нарта произошел после х/ Н.Я. Нарт. "Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в создании Средиземноморской культуры".

1924 года. До этого года яфетидологию все же можно было рассматривать как диссидентское течение той же индоевропеистики, без радикального разрыва с ней. Но и после этого разрыва, Марр освобождается не сразу от установившихся традиций индоевропеизма, и лишь в 1930-1931 году, произведя новый поворот в яфетидологии, Марр сосредоточивает свое внимание на проблеме Языка и Мышления. Поэтому и Яфетический Институт переименовывается в Институт Языка и Мышления, и Яфетидологический журнал в журнал "Язык и Мышление".

Дальнейшая деятельность Марра вплоть до конца его жизни развивалась в том же направлении, т.е. в бурной ломке старого языкознания и в страстном насаждении материалистического языкознания. При этом Марр нередко менял свои положения в поисках большей их доказательности. Так, после 1930 года он отказался от названия своей теории "Яфетической", заменив названием "Новое учение о языке", отказался от компаративистского анализа, заменив его палеонтологическим по 4 элементам, отказался от составленного им же генеалогического древа языковых систем и т.д. Но никогда Марр не отказывался от борьбы со своими идеологическими противниками, как внутри Советского Союза, так и на Западе, и был беспощаден к ним. Так, в годы чисток/с 1925 по 1930/ многие ученые в Советском Союзе отстранялись от работы, как несогласные с теорией Марра/проф. Щерба, Виноградов, Ларин, Миртов и многие другие/. В эти же годы выдвинулись новые ученые, целиком принявшие доктрину Марра, главным образом, кавказоведы: Мещанинов, Башинджагян, Дондуа, Орбели, Абаев, Капшидзе, Джаваха, Шаумли, Быховская и др. Однако не все кавказоведы перешли на сторону Марра, и некоторые из них, как, например, проф. Чикобава и в настоящее время ведут борьбу

против "марризма". х/

Вплоть до 1934 года/год смерти Марра/ Н.Я. страстно работает над своей теорией, пишет много книг/ 5 томов его избранных сочинений изданы Академией Наук в годы 1933-1938/, читает лекции в Ленинградском университете, в Институте Востоковедения, в Археологическом Институте, выступает с публичными лекциями для широких масс населения и всюду пламенно агитирует за свою теорию, считая ее подлинно марсистско-ленинской. В то же время Марр руководит открытыми им Научно-Исследовательскими Институтами: ИИЯМ-ом, ГАИМК-ом, Кавказским Историко-Археологическим Институтом, руководит аспирантурой, совершает лингвистические и археологические экспедиции на Кавказ, в Турцию, Персию, в Северную Африку-- к берберам и кабилам, в Южную Африку-- к готтентотам, в Пиренеи-- к баскам, в Палестину, Синай, на Волгу к чувашам, на север к удмуртам/г.Ижевск/ и т.д. Смерть настигла его в разгаре его научной деятельности. Н.Я. умер в Ленинграде 20 декабря 1934 года и похоронен на кладбище бывшей Александро-Невской Лавры.

Вот в основном жизнь и деятельность Н.Я.Марра, одного из преданнейших последователей Сталина в ломке дореволюционной методологии и насаждении марксизма-ленинизма в советской науке.

2. Характеристика основных положений лингвистической теории Марра.

Первоначально она называлась "Яфетическая теория". Чем объясняется выбор этого названия? Прежде всего тем, что эта теория выросла на базе изучения "яфетических" языков. Самое же название

х/ См. газету "Правда" за 9 мая 1950 г.

"яфетической" Марр взял из Библии, от имени Иафета-младшего сына Ноя. Марр воспользовался библейским сказанием о том, что потомки Иафета, всемирного после потопа, когда легендарный Ноев ковчег остановился на вершине горы Арарат, заселили Кавказ и затем расселились на обширное пространство, — по Марру: по Средиземноморскому побережью, охватив его кольцом с севера и юга. Отсюда Марр выводит название для кавказских и средиземноморских жителей — "яфетиды", их язык называет "яфетическим", а свою языковую теорию — "яфетической". Но в 1930 году Марр отказывается от термина "Яфетическая" теория, как религиозно-культового, связанного с Библией, и называет свое лингвистическое учение "Новым учением о языке", подчеркивая этим свою борьбу со старым учением индоевропеизма.

В "Новом учении о языке" Марр решительно утверждает переход языковой теории на политическую платформу, на конкретное разрешение на языковом материале проблем марксизма-ленинизма-сталинизма^{ни}. Сам Марр в эти годы так формулирует свое методологическое "кredo": "В основе Нового Учения о Языке лежит учение Энгельса и Маркса о языке и мышлении и неразлучимой с ними по преемству работы по развитию идеологии Маркса-Энгельса Лениным по языку-мышлению и Сталиным по языку нации, сочетавших в себе дальнейшую разработку марксистско-ленинской теории с практикой и опытом революционного творчества"^{х/}. И далее Марр говорит: "Перелом от Яфетической теории к Новому Учению о Языке, мышлению и материальной культуре является плодом активного участия в революционном творчестве СССР, углубившего учение до ленинского понимания теории познания, до сталинского формулирования национальной культуры"^{хх/}. Из этого ясно следует, как Марр подчиняет свою теорию политике.

^{х/} Доклад Н. Я. Марра в Академии наук: "К 50-летию смерти К. Маркса", 1931.

^{хх/} Там же.

научную теорию практическим задачам Советского правительства.

"Новое учение о языке" усиливает войну против старой школы индоевропеизма. Индоевропеистика объявляется идеалистическо-буржуазной, расовой и религиозно-реакционной теорией: "Индоевропейская лингвистика есть плоть от плоти, кровь от крови отживающей буржуазной общности, построенной на угнетении европейскими народами народов Востока их убийственной колониальной политикой". х/

Эта декларация Марра вызвала протест многих ленинградских ученых против того, что ^Нкоминтерновские лозунги обращаются им в науку. В этом же докладе/ об "Яфетической теории"/ Марр решительно объявляет войну старой науке не только в теоретических положениях, но и в разрешении общественных проблем: "Борьба неизбежна на фронте не только научных методов и теоретических положений, но и общественно-важных проблем, как переноса в первую голову исследовательской работы на бесписьменные языки культурно поработанных народностей и выяснение основ будущего действительно единого языка человечества".

Разбирая по пунктам противоречия Нового учения о языке с индоевропеистикой, остановимся на главнейших из них, придерживаясь формулировок самого Марра:

1, Индоевропеистика отводит вопрос о происхождении языка как ненаучный- Новое учение о языке, наоборот, считает происхождение языка вопросом кардинальной важности для выяснения всего дальнейшего процесса языкотворчества.

2, Индоевропеистика преимущественно интересуется письменными языками- Новое учение о языке, наоборот, выдвигает на первый план

изучение бесписьменных языков или младописьменных.

х/ Доклад Н.Я. Марра. Об Яфетической теории.

3, Индоевропеистика для истолкования закономерностей семантики оперирует понятиями формальной логики— Новое учение о языке вскрыло, что семантика, как и морфология, вытекает из хозяйственного строя человечества и производственно-экономически сложившихся социальных условий.

4, Индоевропеистика исходит из единого праязыка—Новое учение о языке считает праязык мифом, проистекающим из библейской легенды о рае и первом человеке. Единому праязыку Новое учение о языке противопоставляет многообразно расчлененную племенную речь древнейшей эпохи: то-есть, монизму древнейшего происхождения/по теории индоевропеистики/ противопоставляется плюрализм в Новом учении о языке.

5, Индоевропеистика учит, что из единого праязыка развились различные языковые семьи— Новое учение о языке возражает против этого так: "И не только единый праязык индоевропейской семьи языков есть фикция, но самое определение этой семьи, как расо отличной речи, есть такая же фикция".^{х/} Новое учение о языке противопоставляет этому скрещение диалектов родового строя и феодальной эпохи в национальные языки эпохи капитализма и затем скрещение национальных языков в единый язык мирового коммунистического общества.

6, Учение индоевропеистики о праязыке и последующем членении его можно представить в виде пирамиды, стоящей на своей вершине, основанием кверху. Вершина—это единый праязык древности, широкое основание, обращенное кверху,—это множество национальных языков. Новое же учение о языке можно представить графически в виде пирамиды, поставленной на свое основание. От широкого основания, в виде многочисленных племенных языков, человеческая речь стремится, проходя через ряд типологиче-
х/Н.Я.Марр. "Об яфетической теории".

ских трансформаций, к вершине, т.е. к единству языков всего мира.

7, Индоевропеистика учит о звуковых законах и аналогиях, как о самодовлеющих явлениях языка. Новое учение о языке рассматривает это, как идеалистический формализм и противопоставляет этому учение о языковых стадиях в зависимости от социально-экономических стадий. Поэтому сравнительная грамматика строится Новым учением о языке не на материалах языков одной семьи, а на однородных по ступени их стадияльного развития слоях языков всего мира.

8, Индоевропеистика, по словам Марра, производит разрыв между языком и мышлением: "Старая наука о языке, изучавшая лишь форму языка, не ставила вопроса о мышлении. Новое учение о языке не может отделить вопросов языка от вопросов мышления, потому что язык без мышления не существует." x/

9, И, наконец: "Индоевропейские языки составляют особую семью, но не расовую, как учит индоевропеистика, а как порождение особой степени, более сложной, скрещения, вызванной переворотом в общественности в зависимости от новых форм производства, связанных, повидимому, с открытием металлов и широким их использованием в хозяйстве". xx/

Подытоживая критику ранней индоевропеистики, Марр переходит к новейшим теориям западных лингвистов/де-Соссюра, Мейе, Вандриеса и др./, давая им также крайне отрицательную характеристику: "Имея за собой столетнюю традицию, индоевропейская школа лишь дополняет созданную ею группировку новыми, входящими в орбиту научного исследования языками, отнюдь не меняя основного принципа классификации. В итоге многолетней работы старая система праязыков установлением носящих их пра-наро-

x/Н.Я.Марр. "Язык и Мышление".

xx/ "Индоевропейские языки Средиземного моря".

дов выросла за последнее время до утрированных положений отдельных языковедческих положений той же лингвистической школы, вплотную со-
мкнувшись с расово-культурными школами Запада, столь ярко выявившими свои узко односторонние построения в многотомных выводах Ментина и его учеников в Вене, последователей Коссина в Берлине и др. Даже индо-европейская лингвистика в своем социологическом направлении нашего времени не вышла из рамок формально-описательных грамматик и не расширила границ своих научных изысканий глубже письменных источников того же языка, или устанавливаемого его предшественника, с построением исторической схемы по хронологической датировке привлекаемых источников".

3. Стремление Марра к изданию марксистского базиса под его Новое учение о языке.

В 1930-1931 гг. Марр направляет всю свою энергию на подведение марксистского базиса под Новое учение о языке; в первую очередь диалектических законов языка и мышления, выражающихся в следующих положениях:

1, Язык и мышление являются идеологической надстройкой над бытием.

2, Между языком и мышлением существует диалектическая связь, подобно диалектической связи между формой и содержанием. Язык и мышление, как форма и содержание, составляют диалектическое единство.

3, Труд — основа экономики и общества; коллективный труд создал язык, как необходимое средство для связи в процессе труда: "Язык во всем своем составе есть создание человеческого коллектива, отображение не только его мышления, но и его общественного строя и хозяйства, как

в технике и строе языка, равно и в семантике. х/

4. Стадиальность общественно-экономического развития сопровождается соответствующей стадиальностью в идеологической надстройке, т.е. в языке и мышлении.

Эти положения материалистической философии Марр брал из сочинений К.Маркса и Ф.Энгельса: Немецкая идеология, Диалектика природы, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Роль труда в процессе очеловечения обезьяны и др.

4. Три основных лингвистических положения теории Марра.

На вышеприведенных принципах материализма Марр построил 3 основных лингвистических положения своей теории:

А, Единство глоттогонического процесса или Монизм языкового развития/Глоттогония-возникновение речи, словотворчество/;

Б, Палеонтологический анализ языка/ с применением 4 семантико-звуковых элементов/;

В, Стадиальный анализ языковых систем.

Остановимся вкратце на характеристике каждого из этих трех лингвистических основ Марра.

А. Единство глоттогонического процесса.

а, Четыре основных звуковых комплекса.

Единство глоттогонического процесса обусловлено социальной сущностью языка и мышления, которые отражают в себе ход развития общественно-экономических систем. Единство глоттогонии означает взаимосвязь

х/Н.Я.Марр. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком.

языков всего мира. "Речь изначально в истории всего человечества, независимо от его расового или географического деления. Речь изначально так же, как и сознание, связанное со скачком в человеческое общество из животной орды".

Первоначально речь была не звуковая, а кинетическая/линейная, ручная, речь жестов, движений и телодвижений вообще/. Членораздельная речь появилась вслед за трудом и вместе с трудом послужила главным стимулом развития человеческого мозга.

В основе членораздельной речи лежат звуковые комплексы, устанавливаемые Харпом в числе 4-ех. Из этих 4 звуковых элементов развилась по всему миру звуковая речь/соответственно теории Кониза языкового развития/.

Остановимся подробнее на этих 4 элементах или звукокомплексах. Харп называет их SAL, BER, JON, ROH. Эти названия он дает по предполагаемым именам 4 доисторических племен, живших у подножия Арабата/на что натолкнули его раскопки в этой местности/. От этих исторических племенных названий пошли наименования многих позднейших племен: Эт-рус/элемент ROH/; Русь/элемент ROH/; К-бер, Ки-бер, Бер-бер /элемент BER /; Сар-нат/ SAL+BER /; Скиф/ SAL/, Славянин/ SAL/; Колыне /JON / и т.п.

Каково было звучание этих комплексов в ту отдаленную пору человеческой истории? Харп отвечает на это, что определить звучание комплексов трудно, так как это был комплекс шипящих и свистящих звуков. Вероятно, эти звуко-комплексы были близки к речи готтетотов и нафров-обитателей южно-африканской пустыни. В них слышались и шипение змеи, и рычание зверя, и свист птицы.

х/ Н.Я. Харп. Избранные сочинения. Т. 3, стр. 104.

С развитием труда и связанным с этим совершенствованием глотки,^{x/} из комплексов стали выделяться отдельные звуки, составившие постепенно звуковую речь. Каждое племя владело только одним звуковым комплексом. Он был тотемом племени и он же был сигналом к труду. Каждый звуковой комплекс был в то же время и семантическим комплексом или пучком представлений. Так, звуковому комплексу SAL соответствовал семантический пучок: вода--женщина--рука; комплексу BER--семантический пучок: небо--лошадь--птица; комплексу JON--река--дерево--свет свет; комплексу Рош-- страна--племя--хлебный злак.

Звуковая речь носила первоначально культовый характер и была классовым орудием власти у жрецов. Жрецы охраняли тайну звуковой речи. Но впоследствии рабы восстали и принудили жрецов передать им тайну звуковой речи.

б, Деление языков на стадии и системы.

В пределах единой мировой глоттогонии Марр делит языки на стадии и системы. Языковая стадия понимается им, как ступень в едином глоттогоническом процессе, от одной коренной перестройки языка до другой. Общность стадий прослеживается на всех языках мира. Таковы языковые стадии: кинетическая, звуковая, последовательно развивающаяся в аморфную или полисинтетическую/стадия корнесловов/, агглютинативную и флективную.

Языковые стадии соответствуют общественно-экономическим стадиям: 1/Кинетическая стадия--первобытному коммунизму; 2/ Аморфно-синтетическая-- родовому строю; 3/ Агглютинативная--рабовладельческому строю; 4/Флективная зарождается при феодальном строе и совершенствуется при капитализме; 5/Единый мировой язык/может быть, язык техники, как, например, х/Ф.Энгельс. Роль труда в процессе очеловечения обезьяны.

световых сигналов, по предположению Марра/ соответствует мировому коммунистическому обществу.

Под языковой же системой Марр понимает определенную языковую группировку со специфическими, характеризующими ее признаками. Языковые системы, таким образом, определяются по формальному выявлению в них стадияльных особенностей и, следовательно, имеют свою типологию. Языковая система складывается в определенном историческом периоде и может исчезнуть в процессе переживаемых трансформаций. Но все же при социальной и языковой перестройке отдельные элементы уходящих систем могут оказаться пережитками в последующих.

Итак, по Марру, языки делятся не на обособленные семьи, а на стадии, находящиеся в преемственной связи последовательно чередующихся трансформаций. Так, напр., семитические и индоевропейские языки являются дальнейшей стадией яфетической системы. По мнению Марра, грузинский язык и семитические языки находятся в явной стадияльной близости.

Занятия Марра в Боннском университете/Германия/ привели его к убеждению, что готский и немецкий языки, по ступени их стадияльного развития, — "яркий представитель переходных ступеней от яфетической системы к индоевропейской"/Марр/, при чем связь, в частности, Рейнского края с Кавказом и Пиренеями, намечается не только по языку, но и по истории материальной культуры с палеолита до средних веков.

Но никакие языковые системы/и это одно из важнейших положений Марра:/ни индоевропейская, ни семитическая, ни яфетическая не связаны с определенной расой, а лишь с соответствующим^и общественно-экономическими стадиями. Говоря конкретно: коренные обитатели Австралии/папуасы, и северные-европейцы, напр., скандинавцы могут владеть совершенно одной

отмеченных выше форм яфетической речи, и притом не только в

и той же языковой системой, если их языки складывались на тождественных стадиях их общественного развития.

в, Сравнительные особенности яфетической и индоевропейской систем языков.

Для показа преемственной связанности яфетической и индоевропейской систем, остановимся на характеристике формальных признаков каждой из этих систем.

1, Яфетическая система:

- а, яркость выражения заднеязычных звуков,
- б, обилие сложных звуков/аффрикатов/, доходящих до трехсоставности,
- в, три степени звонкости каждого ряда звуков-губных, зубных и заднеязычных,
- г, пассивная конструкция переходных глаголов, в которых логический субъект ставится в одном из косвенных падежей, в связи с чем логический объект совпадает с грамматическим субъектом,
- д, преобладающее значение агглютинации,
- е, различие имен существительных по классам: разумному, т.е. активному, играющему действительную роль в хозяйственной жизни коллектива/напр., мужчина, бог/, и неразумному, т.е. пассивному в той же хозяйственной жизни/животное, ребенок, раб/,
- ж, наличие семантических пучков, т.е. соединение в одной основе различных значений/логически несвязанных, с современной точки зрения/, напр., вода-женщина-рука.

2, Индоевропейская система:

В индоевропейских языках наблюдаются пережитки тех же отмеченных выше норм яфетической речи, и притом не только в

словарном составе, но и в самой структуре языков. Этот последний раз подтверждается преобладающей стадильной связью между отдельными языковыми группами.

б, В индоевропейских языках пассивная конструкция переходных глаголов утратилась и заменилась активным строем, но в отдельных случаях еще чувствуется пассивная структура речи; напр., русское "мне холодно", "мне жарко", "мне нездоровится" и т.д.; главным образом, в глаголах чувствования и восприятия.

в, Кроме того, логическое мышление, обуславливающее пассивный строй речи явно выступает в таких построениях, как французское "IL FAIT CHAUD", "IL FAIT FROID", немецкое "ES REGNET", русское "смерть пришла", "чорт побери"..

г, В индоевропейских языках улавливается даже порождиток синтетического строя, проявляющийся, напр., в том, что в русском языке прилагательное имеет стремление стоять на первом месте /хороший человек/, а в немецком языке глагол обычно ставится в конце фразы, замыкая ее и обращая в слитное целое.

д, Индоевропейские языки не имеют деления имен существительных на классы-разумный и неразумный, но зато в ряде языков сохраняется средний род, неясный по своему происхождению и, возможно, отражающий "неразумный класс" афетического строя.

е, В индоевропейских языках сохраняются черты древнего полисемантизма речи; например: русские охотники - коса, клыч, гребень, рукав и др.

Итак, мы видим, что в индоевропейских языках, несмотря на то, что они имеют много общего, все же существуют значительные различия, и потому первоначально слова

Б. Палеонтологический анализ/историческая семантика слов/.

а. Его сущность.

Переходим ко второму лингвистическому положению Марра — палеонтологическому анализу.

Он представляет собой исследование исторического развития отдельных явлений языка в их эволюции и сменах в связи с историческим процессом развития экономики и общества.

Палеонтологическое исследование касается, главным образом, лексики.

Марр придавал палеонтологическому анализу первостепенное значение и говорил об этом так: "Каждый язык, в том числе и русский, должен быть изучаем в своем палеонтологическом разрезе, т.е. в перспективе отлагавшихся в нем последовательно друг за другом слоев в связи с общественно-стадиальным развитием" х/

Первое задание палеонтологического анализа — это проследить жизнь слова в различных его стадиальных состояниях; например, содержание и значение отдельно взятого слова в индоевропейских языках и его же значении и оформление в предшествовавшем состоянии яфетической системы. Для конкретного показа палеонтологического анализа возьмем ряд слов: ржать-конь-лошадь. Для выражения звуков, производимых лошадей ртом и ноздрями, у русских употребляется слово "ржать", а у грузин QUI-QUIN-I. В русском языке слово "ржанье" является как бы звукоподражательным, а в грузинском — таким же звукоподражанием представляется QUI-QUIN-I. Но названные слова, как открыла палеонтология речи, возникли вовсе не от созвучия с ржанием лошади, а оттого, что ржанье есть природное свойство лошади, ее характерный признак, и потому первоначально слова

х/Н.Я.Марр. К происхождению языков.

"рханье" и "qui—quin—i" означали самое понятие "лошадь". Так, грузинское qui—quin—i представляет удвоение основы quin из gun—gon, что является разновидностью hon—e—hup—e, означающего "конь" / элемент Jon или, по более поздней терминологии Марра, элемент C/^{x/}. Русское же слово "рхать" представляет собой глагол, производимый от основы рх, т.е. яфетической основы — roш/ или элемента D / и еще более древней разновидности основы loш в слове "лошадь". Путем этого палеонтологического исследования Марр делает вывод, восходящий к магической, тотемной стадии мышления: "Мы отлично знаем теперь, что грузинское "hupе" и унаследованное от яфетидов русскими "лош/ хош" — это племенные и тотемные слова: первое — ионов, второе — этрусков. Следовательно, слова — грузинское и русское, означающие "рхать", конечно, дают представление о звуках рханья, но сами отнюдь в своем генезисе не отражают никаких звуков, а определяют рханье, как лошадиное или конское действие, буквально означая "конить", или "лошадить".^{xx/}

Итак, в палеонтологическом анализе, как постоянно подчеркивает это Марр и его последователи, в противоположность "голому синхронизму формалистов-эпигонов классиков индоевропеизма, центральное место занимает историческая семантика."

x/ Элемент Sal впоследствии обозначался буквой A, элемент Bet — буквой B, элемент Jon — буквой C, элемент Roш — буквой D.

xx/ Н.Я.Марр. Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком.

xxx/ Там же.

б, Техника яфетидологии/анализ по 4 семантико-языковым элементам и аналитический алфавит или яфетическая транскрипция/.

В главу о палеонтологическом анализе мы включаем технику яфетидологии, именно: анализ по 4 семантико-звуковым элементам и аналитический алфавит.

Элементарному анализу по 4 звуковым комплексам: SAL, BER, JON, Рош, а также аналитическому алфавиту Марр придавал всегда важнейшее значение. В своей статье "Яфетическая теория" Марр писал: "Новое языковедное учение пользуется безоговорочно двумя установленными средствами в своих изысканиях. Одно из них — особая исследовательская графика, так называемый аналитический алфавит, другое — анализ по 4 лингвистическим элементам".

Элементарный анализ Марр последовательно применял к исследовательской работе над любым языком: грузинским, чувашским, русским и удмуртским, халдейским и французским, шумерским и немецким и т.д.

Как было уже сказано прежде в главе о Монизме языкового развития, Марр был убежден, что в основе языков всего мира лежат 4 элемента, из которых и развивается мировая глоттогония. "В последние моменты мы присутствуем при установлении факта, что, начиная от Японии и Китая и до берегов Атлантического океана, основные термины культурной и доисторической жизни одни и те же. ^{всех} Все слова языков сводятся к 4 элементам." х/

И.И. Мещанинов/любимый ученик Марра и верный последователь его/ в своей книге "Основные начала яфетидологии" также уверенно говорит х/ Н.Я. Марр. Избранные сочинения., т.1.

что исследование племенных и топонимических названий свело все их к основным племенным терминам, имеющим основу SAL /или элемент А/, BER /или элемент В/, JON /или элемент С/, Ros /элемент /. Так, из элемента SAL (А) возникли следующие племенные названия: Славянин-SCLAV- SAL; SAR- MAT (А-В) - Сармат.

Элемент BER /В/ дал начало следующим племенным наименованиям: И-бер/Ибер/, Ки-мер/Кимер/, Бер-бер/Бербер/, Обр, Ка-бар-да/Кабарда/, Те-бер-да/Теберда/, Пир-енеи/Пиренеи/; Мерь, Мур-ом/Муром/, Пермь; - вол-ыняне/волыняне/, пол-яне/поляне/; Вол-га/Волга/.

Элемент JON /С/: Иония, ионяне, Дон, Дунай, Днепр, Днестр и др.

Элемент Ros //: Русь, Эт-руск/, река Рось и др.

О происхождении племенных и топонимических названий из 4 основных звукоэлементов-диффузных пучков, как по своему звучанию, так и по семантике, подробно говорит также С.В. Бяковский в книге "Яфетический предок восточных славян-киммерийцы", 1931 г.

Эти же племенные названия обнаруживаются, по мнению Марра, на древнейшей стадии магического мышления в названии небес во всех трех его яфетидологических аспектах: т.е. верхнего неба/собственно неба/, среднего неба/земля/ и нижнего неба/преисподняя, она же-вода/.

Особенно часто Марр пользуется основой во всех ее видоизменениях по спирантной и сибилантной ветви. х/

В различных языковых ветвях/спирантной, сибилантной/ и группах /свистящей, шипящей/ звучание этого элемента подвергается переогласов-
х/Марр делит все яфетические языки Кавказа . на две ветви: спирантную и сибилантную. В свою очередь сибилантная ветвь распадается на две группы: а/свистящую, куда относится грузинский язык, и б/шипящую, к которой относятся негрельский и чанский языки.

ке, что выражается Марром по его аналитической транскрипции следующим образом: SAL-SAM-SAV-TAM- TAV- HAM- HAV. Этот элемент в различных его перегласовках часто обнаруживается в словах, выражающих небо и веру и связанные с ними дериваты: TAM ↘ SAM → HAM HAV= вера, свидетельство, клятва-в яфетических языках: в грузинском- M-TAM-S /верь/; MO-TAM-E /свидетель/; MO-TAMOBBS /свидетельствует/; в армянском- HAW-AT /вера/; HAW-AN-EL /одобрять/; HAW-OZ-EL /убеждать/.

Попутно охарактеризуем в основных чертах Яфетидологический или аналитический алфавит, которым мы пользуемся в приведенных нами примерах.

Аналитический алфавит имеет сложную систему знаков: ↘ -этим знаком обозначается падение сильного звука в слабый; обратным значком ↗ обозначается подъем слабого звука в сильный. Слабые и сильные звуки Марр также классифицирует по социальному признаку: хозяйственно-сильные племена имели сильные фонемы; хозяйственно-слабые племена - слабые фонемы, пассивные в своем звучании.

Знаки: ← и → обозначают дериваты. Пара вертикальных линий || обозначает чередование в одной и той же ветви гласных или согласных, Над ! точка не ставится, потому что одно из основных положений яфетидологического/или аналитического/ алфавита гласит, что ни один простой звук не может быть изображен сложным или составным начертанием. Звуки обозначаются латинскими буквами; для звуков, недостающих в латинском алфавите, вводятся русские, греческие и арабские буквы. Напр., русское ш, греческое ψ /фи/ и арабское ʕ (HAMSA). Для обозначения сложных звуков употребляются соответствующие значки осложнения; напр., свистящий аффрикат T-S = Ṭ; D-Z = Ḍ. Вообще, свистящие обозначаются верхними значками, а шипящие - нижними. Например: T-ʃ = Ṭ; D-ʒ = Ḍ.

Лабиальность выражается верхним^о: $\overset{\circ}{T} = T-W$; $T-S-W = \overset{\circ}{T}$. Смягчение обозначается нижним значком, напр., T ; назализация-~: \tilde{T} . Словом, как в математике, однозначное число обозначается одной цифрой, двузначное — двумя цифрами, трехзначное — тремя и т.д. Поэтому яфетидологический алфавит Марр называет иначе аналитическим или математическим.

Примеры осложнения звуков: $T, T-S = \overset{\circ}{T}$; $T-S-W = \overset{\circ}{T}$; $D, D-Z = \hat{D}$; $D-Z-W = D$.

Возвращаемся к элементарному анализу слова небо. От неба отходят семантические дериваты из мира животных; так, с верхним небом связаны птицы / как "небосята" /. Возникает семантический ряд: небеса-небесята-небесенок. С нижним небом связаны преисподняя и вода и существа, населяющие их.

Яфетидология направляла свои исследования на то, какие именно животные связаны с тем или иным племенем, и таким животным присваивалось название "тотем". Так, напр., Марр доказывает, что лошадь-птица являлись тотемом урартов-этрусков. х/

Для большей конкретизации положений Марра остановимся на элементарном анализе слова "лошадь". По словам Марра, ^{хх/} "палеонтологическая" речь вскрывает такие связи: вотское слово VAL / лошадь /, при древнейшей космической семантике, когда "лошадь" сопоставлялась с солнцем на конях / утренняя заря: Феб, выезжающий на конях / с утренней зарей, с утром — это есть то же, что грузинское QVAL-E / утром /; отсюда один шаг до латинского CA-BA-LUS, французского CHO-VAL, еврейского GA^{ххх/}-M^{ххх/}-L-E, чувашского GE-VAL-AS / гонять / и китайского MA. Всяду элемент BER в

х/ Н.Я. Марр. Лошадь-птица-тотем урартов-этрусков.

хх/ Н.Я. Марр. Берская лошадь от моря до моря.

ххх/ В этом проявляется функциональная семантика, т.е. близость наименования по сходству выполняемых функций. — верблюд.

различных переогласовках, соответственно различным ветвям и группам речи. Отсюда вывод, сделанный Марром: Берская лошадь от моря до моря". То-есть, тотем урартов-этрусков широко распространился по всей "Евразии", от Атлантического до Великого океана.

Яфетические племенные названия усматриваются Марром также в морфологических частицах, в первую очередь- в суффиксах множественного числа, что объясняется Марром, как семантическое продвижение племенного названия. Образуется таким образом семантический ряд: племя-потомство-дети-множество.

В итоге укажем, что словарный состав русского языка включает немалое число слов из яфетической системы, по утверждению Марра, и потому все 4 элемента налицо и в русской лексике. Напр., элемент SAL /A/ отложился в словах "соль", "солнце", "славяне" и др. Элемент B/BER / отложился в первой части имени главного божества восточных славян-Пер-ун, в наименованиях сельско-хозяйственного населения древней Руси- "смерд", а также в словах "смерть", "мертвый", Элемент JON(C) отразился в слове "конь" / KON-HON-JON) . Наконец, элемент ош/ /-в словах: "лош-адь", "рхать", "рохь", "рохать", "род" и др. х/

В. Стадиальный анализ.

Если палеонтологический анализ относится к исторической семантике отдельных слов и поэтому охватывает преимущественно лексику, то стадиальный анализ относится к целой языковой системе, и в ее становлении, и в переходе на новую ступень в связи с общественно-экономическими стадиями.

х/Н.Я. Марр. По этапам яфетической теории.

При установлении лингвистических стадий Марр уделяет особое внимание синтаксису, так как, по его утверждению, "звуковая речь начинается не со звуков и не со слов, а с предложения", и поэтому "синтаксис — это самая существенная часть речи".^{x/}

Вследствие этого стадийный анализ синтаксиса речи является одной из главных задач "Нового учения о языке". Следуя этому принципу, последователь Марра — академик Мещанинов написал обширный труд по стадийному анализу синтаксиса палеоазиатских языков.^{xx/}

Стадийный анализ требует, чтобы к изучению каждого языкового строя подходить с учетом современных этому строю/а не нам/ норм сознания. Языковое построение в целом или отдельную грамматическую категорию надо изучать соответственно мышлению той стадии, на которой возникла эта структура или слово. "Язык и мышление одной стадии могут настолько резко отличаться от языка и мышления другой стадии, что зачастую одно и то же слово на покинутой или на завоеванной сторонах означает диаметрально противоположные понятия, в зависимости от коренных изменений хозяйства, социальной структуры и мировоззрения".^{xxx/}

Конкретный пример этого Марр дает на истории русского головного убора и его названий: "Кокешник" и "Сорока" в осмыслениях разных стадий.^{xxxx/} В этой же области значительный интерес представляет работа Марра о стадиях мышления при возникновении глагола "быть".^{xxxxx/}

Изложим вкратце ее содержание.

Глагол "быть" принадлежит к двум различным смысловым категориям и возник на различных стадиях мышления. Один глагол "быть" относится

x/Н.Я.Марр. Язык и мышление.

xx/И.И.Мещанинов. Стадийность в палеоазиатских языках.

xxx/Н.Я.Марр. Язык и мышление.

xxxx/Н.Я.Марр. Кокешник и Сорока.

xxxxx/Н.Я.Марр. Стадии мышления при возникновении глагола "быть".

к категории понятий "иметь", "владеть", "быть в чем-нибудь пользования, в чьей-либо власти".

С этим значением находится в связи и обратное, безличное построение, когда, вместо "имею", употребляется выражение "у меня есть", как в русском языке, или равнозначущее "у меня рука"/иногда "мне рука то"/в языках афетической системы. "Рука" в подобных языковых построениях выражает символ владения, как и в современном русском языке: "это у меня в руках", т.е. я имею, владею. "Попасть в руки" - т.е. попасть в чье-то владение.

Это значение "быть-есть" в смысле "иметь-владеть" отводит нас, по мнению Марра, к еще тотемическому мышлению, когда действовало не личное, индивидуальное местоимение "я"/я имею/, а коллективное владение и власть тотема над всем. Отсюда безличная форма: "у меня есть".

Другое значение глагола "быть" - это выражение абсолютного бытия, т.е. независимого существования; категория, также возникшая на базе соответственной экономической формации, но позднейшей от той стадии, когда возник глагол "быть"/"иметь", "рука"/. Для подтверждения происхождения глагола "быть" в смысле "быть абсолютно", "существовать", Марр ссылается на грузинский глагол $SU, OV-S$ что означает "существует", "есть". Основа его "SU" означала некогда тотем и выражала идею абсолютного существа - впоследствии глагол "существовать". Основа этого глагола скрещенная: $A-B:SU \rightarrow O$. Палеонтология, по утверждению Марра, вскрывает, что данная основа означала космически-отвлеченно: небо-солнце, а социально: тотем бог-жрец // коллектив с тотемом, населенный мир.

Но стадияльный анализ может носить и формальный характер, выявляя

сумму наличных грамматических признаков в той или иной языковой стадии/разумеется, с учетом и соответствующего общественного осмысления/. Так выявились стадии: 1/аморфной или полисемантической речи с образным, еще диффузным мышлением, 2/агглютинативной и 3/флективной.

Пользуясь методом стадияльного анализа языков различных народов, как в современном аспекте, так и в историческом, Марр снова поднимает голос против индоевропеистики с ее теорией якобы "расового" происхождения языков: "Считавшиеся различными по расовому происхождению языки оказались только созданием различных эпох. Каждая расовая семья языков оказалась отличной не по своему происхождению группой, а новой системой, представляющей развитие предшествующей системы".^{x/} Так, в яфетических языках отражаются стадии предшествующих ступеней развития. Напр., "Грузинский язык представляет почти чистый флективный тип с некоторыми пережитками агглютинативной стадии; абхазский язык — древнейший тип речи из синтетической или аморфной стадии, без образования форм; армянский и албанский языки представляют переход от прежнего яфетического типа к новому, индоевропейскому".^{xx/}

Для освещения вопроса о стадияльной типологии языков интересна уже упоминавшаяся работа Мещанинова — "Стадияльность палеоазиатских языков".

5. Семантические ряды/пучки/ и функциональная семантика.

В процессе стадияльного изучения языка-мышления на первое место у Марра выдвинулись семантические ряды/или пучки/, вышедшие, по его утверждению, из звуковых комплексов и улавливаемые в настоящее вре-

х/Н.Я.Марр. Автобиография. Избранные сочинения, т.1.
xx/

мя по данным яфетических языков. Напр., семантический ряд: небо-верх-гора-голова-храм. Но рядом с логически осмысляемыми семантическими рядами материалы яфетических языков выдвинули и такие семантические ряды, которые труднее поддаются толкованию, напр., вода-дерево. Можно предположить: если вода есть подательница жизни, то и дерево заключает в себе этот смысл: древо жизни, священное древо.

Еще пример семантического ряда: вода-женщина-рука.

Марр дает к этому следующее пояснение: "Необходимо знать, что данный семантический ряд представляет не только факт, но что три члена этого ряда представляют три отличные ступени развития с соответственно различным мировоззрением-космическим/вода,небо/, общественным/мать, женщина/ и технологическим/рука,орудие/..... Термины, связанные с рукой, дали материал для новых семантических рядов, совпадающих в своих конечных звеньях с рядами неба: небо-божество-владыка-власть-сила-рука-делать-созидать-творить". х/

Но семантическое продвижение и в этом случае идет по разным основам осмысления: в рядах с небом ясно выступает отвлеченное мышление с религиозным оттенком, в рядах с рукой- производственный принцип. Следовательно, в этих параллельных семантических рядах отражаются разные стадии социального мышления. Семантический ряд с небом- в стадии магического и тотемического мышления.

Во многих своих работах Марр подчеркивает, что семантика слов меняется в зависимости от меняющейся стадийности мышления, и если сопоставить семантические ряды без учета стадийности, то можно прийти к глубочайшим заблуждениям, к построению фикции, вместо познания

х/П.Я.Марр.К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем.

действительности. Приведем доказательства самого Марра. "Вот финское слово "KULTA"/золото/, которое индоевропейцы считают заимствованным от германского GOLD. Но в измененном, раннем, хотя и очень близком значении мы имеем то же самое слово у грузин "KOLT" /стадо/, у армян "KOYT" /стадо, куча/, у чувашей "KETII"/стадо/ и "KETES"/пасти/, у скифов "SKOL-OT"/племенное название/, у русских-дедуцировано "скот" и т.д. Как можно здесь ставить вопрос о заимствованиях, когда совершенно очевидно, что данное слово-общее наследство указанных народностей, сохраненное ими от предшествовавшей, яфетической стадии и различно осмысливаемое на различных общественных стадиях". х/

Стремясь сблизить языкознание с материалистической диалектикой, Марр старается подтвердить историей семантики основной закон диалектики-"единство и борьбу противоположностей". Соответственно этому, в борьбе общественных поколений борются и понятия внутри одного слова. Так, одно и то же слово на одной стороне/покинутой/ значит "голова", "начало", а на новой/завоеванной борьбой в процессе производства и производственных отношений/ значит "хвост", "конец". На одной стороне слово "огонь", на другой-"вода". На одной стороне-"день", "белый", на другой-"ночь", "черный". На одной стороне-"верх", на другой-"низ". Так происходит расщепление матери-слова между двумя возникшими из него видами". хх/ Отсюда он выводит следующий закон семантики речи-закон функциональной семантики.

Функциональная семантика состоит в органической связи выражаемых

х/Н.Я.Марр. Родная речь-могучий рычаг культурного подъема.

хх/Н.Я.Марр. К семантической племенной слопе в языках неяфетических систем.

звуковыми комплексами представлений и понятий с функцией предметов обихода и историей общественного строя.

Исходя из этого, Марр устанавливает общность племенных названий для животных передвижения на различных стадиях. Однако, по функции выполняемой работы, племенные слова или элементы распределяются разнообразно. Так, элемент JON/C/ появляется одинаково у всех животных передвижения: конь-собака/немецк. HUND, латинск.: CANIS, французское CHIEN/ / и т.д.; элементы SAL /A/- в названиях оленя и телеги; элемент BER /B/- в наименованиях верблюда и слона; элемент Rom /D/- в названии лошади и т.д. Но в целом, в ряде языков различных систем и стадий олень, собака и лошадь носят преимущественно друг от друга одно и то же название в связи с выполняемой ими функцией передвижения, отражая в себе смену одного типа хозяйства другим. Показу этих проявлений функциональной семантики Марр посвящает свою работу "Средства передвижения, орудия самозащиты и производства в доистории".

6. Грамматические категории и история их происхождения.

Марр излагает историю происхождения грамматических категорий следующим образом: Рост звукового языка знаменуется нарастанием частей речи. Они выделяются из звуковых комплексов, т.е. из диффузных звуков со скрещенной семантикой. Первая по времени категория, выделившаяся из звукового комплекса, — это имена, как наименование тотема. Вслед за именами выделились глаголы/обозначение действия/ из одного и того же семантико-звукового комплекса. Союзы, наречия и первично прилагательные представляют те же имена, часто даже без изменений или оформления их. Последними возникли местоимения.

Возникновение местоимений, по мнению Марра, это-поворотный пункт в истории развития языка, а именно: начало новой морфологической эры- т.е. на смену аморфной-вначале пришедшей агглютинативной, затем флективной.

Семантически все местоимения восходят к именам и возникли первоначально, как заместители имени тотема, т.е. божества племени, его покровителя./Имя тотема могли знать только жрецы, маги; для остальных членов племени кощунственно было произносить имя тотема-отсюда ведет свое происхождение местоимение, как заместитель божественного имени/.

Палеонтологический анализ, по Марру, показывает, что местоимения произошли из следующего семантического ряда: имя-бог-небо-гора-голова.

Далее Марр ставит вопрос: на какой общественной стадии возникают местоимения? И сам отвечает: местоимение возникает с представлением о собственности. "Это собственнические имена раньше, чем имена, выражающие лица. Выделение лиц, а особенно 1-ого лица и единственного числа, да сравнительно с 3-ьим и противопоставляемого 1-ому 2-ого- это все позднейшие сравнительно явления".^{x/} И снова Марр настойчиво повторяет: "Первые местоимения-местоимения собственнические. Если и говорят о лице, то речь для тех эпох может быть лишь о коллективном лице, именно- конкретно-хозяйственно о социальной группировке или племени, а идеологически или абстрактно-миросозерцательно- и о тотеме коллектива, впоследствии племени, который и является хранителем прав собственности данной социальной группы".^{xx/}

x/Н.Я.Марр. Основные достижения Яфетической теории.
xx/

Как палеонтологический след этого, осталось во французском языке - "IL FAIT CHAUD" (IL - 3-е лицо, тотем/, в немецком - "ES REGNET" (ES - 3-е лицо, тотем/, в русском - /он/ меня лихорадит, /он/ меня знобит и т.д.

1-ое лицо множественного числа - "мы" выделилось из диффузного пучка раньше, чем "я", потому что "мы" означает коллектив, хозяйственную общность, а "я" - позднейшее выделение личности из первобытного коллектива.

2-ое лицо - "вы", "ты" выделилось при меновых формах хозяйства, когда противопоставлялись два коллектива.

По мнению Марра, палеонтологический анализ, произведенный им по 4 лингвистическим элементам, подтверждает его взгляд о происхождении местоимения из имени. Например, у басков BUR /элемент BER /-BUR-U - "голова" встречается в роли возвратного местоимения "себя" и еще чаще его разновидность BER /в форме родительного падежа BER-E /, означающая местоимение "свой".

У грузин DAV-I / элемент SAL /, означающие одновременно "голова", "сам", "себя"; родительный падеж от него - DAV-IS /свой/; напр., DAV-IMOIKLA /он убил себя - он убил голову/; DAVIS-DAVAS - сам по себе, буквально: головой, как голова головы и т.д.

В доказательство того, что глагольные формы выделились из того же семантико-звукового диффузного комплекса, что и имя, Марр приводит примеры грузинского и др. языков, в которых глаголы одновременно имеют значение и имен. Напр., в грузинском - KREBA - собрание, собирание и собирать; KVIRILI - крик, кричание и кричать; TERA - писание и писать; MENELA - построение, постройка и строить. В русском языке от имени "рука" произошли следующие глаголы: рука - вручить - руководить - делать -

созидать-творить; рука-длань, дать; рука-перст-указывать-показывать-сказывать-говорить.

На этих примерах мы видим также законы семантики, устанавливаемые Марром: 1/закон функциональной семантики и 2/ закон расщепления общего на единичности.

Переходим к другим ^{грамматическим} категориям, по Марру.

Союз "и" представляет социальный термин-"брат-сестра". Напр., грузинское DA означает союз "и"/как и в русском языке/ и в то же время имена существительные:"брат-сестра", т.е. выражение родственности, тесной близости, что семантически стоит близко к союзу "и".

Близость прилагательных к именам также показывается Марром на примерах грузинского языка;напр., грузинское KEZIL-1-1- добрый и благо, RESP.: близкий,родственный и родственник; AV-1-дурной,злой и зло и т.п. Интересно высказывание Марра о социальной обусловленности степеней сравнения: "Степени сравнения в грамматике оказались низшая, т.е. положительная, отложением названия низшего сословия;средняя или сравнительная-среднего сословия;высшая или превосходная- высшего сословия. х/

Числительные также выделились из имен и происходят от ведущего фактора в линейной речи, т.е. от руки. Далее Марр развивает свою мысль так: Рука означает один; руки -- два или пара. В грузинском языке сохранился семантический ряд:сила-рука-один: SAL- ZAL- AL /всду элемент SAL/.

Марр особенно подробно останавливается на палеонтологии числительных и их первоначальной роли в интернационализации языка. По мнению Н.Я.Марра. Основные достижения Яфетической теории.

нию Марра, люди не умели еще говорить речью, но уже умели считать.

"В линейной речи исчисление производилось с помощью руки в двух основных значениях: а/ рука-длань и б/ рука-пятерня. Рука-длань служила для выражения и пяти и десяти. От линейной речи это перешло к звуковой. Самое число пять, позже десять в древности означало и много. Далее с развитием производства и расширением у человека горизонта мышления это "много" постепенно переходило на 100, на 1000, на 10000 и т.д./древне-славянское: 100²-тысяча-множество; 10.000; 100.000 тысяча тем и т.д./. В звуковом языке 10 и 100 в более позднюю эпоху дифференцировались фонетически; напр., в грузинском языке 10- A ; 100- AS.

Иногда дифференцируется основа-- посредством другого элемента или даже для повышающихся чисел/напр., от 5 до 10/ посредством скрещенной основы из двух элементов. Так, у еваков 10- A^WIR X) представляет скрещение двух элементов -CA (JON-SAL): A-^WIR."

3, Марр производит еще и идеологический анализ числительных и находит, что с числом 1, равно и 10, связывается человек идеологически, потому что "человек" и "племя", находящиеся во взаимоотношениях "единицы" и "десяти" /первоначально означающего также и "много"/, носят одинаковое одно и то же название-- именно, для десяти название племени и то же название для одного, как члена племени. Поэтому в клинописи, по словам Марра, единица обычно была и детерминатив племени.

Таким образом, в своей теории о грамматических категориях Марр пользуется разнообразными методами яфетидологии: и палеонтологическим анализом, и 4 лингвистическими элементами, и семантическими рядами, и функциональной семантикой, и социально-идеологическим анализом.

х/Н.Я.Марр. О числительных.

7. Ортодоксальная роль учения Марра в настоящее время в СССР.

А. Последователи Марра.

Три вышеизложенные лингвистические положения Н.Я.Марра: 1/Единая глоттогония, происходящая от 4 семантико-звуковых элементов, 2/Палеонтологический анализ и 3/ Стадиальная классификация языков являются обязательной основой для современного советского языкознания. Отклоняться от них-значит объявить себя отщепенцем от советской, официально установленной методологии. Академик Мещанинов категорически утверждает: "Эти три положения Марра являются тем, чем советское языкознание в наибольшей степени отличается от зарубежной лингвистики".^{x/}

На этом "марриетском" комплексе последователи Марра развивают современное советское языкознание, археологию и историю.

Для примера возьмем три известных труда последних лет: археолога Равдоникаса "За марксистскую историю материальной культуры"/1931/, историка Быковского "Яфетический предок восточных славян-киммерийцы"/1932/ и лингвиста И.И.Мещанинова "Стадиальность палеоазиатских языков".

Все трое ученых не только принципиально следуют теории Марра, но и пользуются яфетической техникой в своих исследованиях и доказательствах.

Так, Равдоникас в своих археологических исследованиях финских племен севера России^{xx/} применяет палеонтологический анализ и на основании его утверждает, что нет "заимствований" на древней стадии языкового развития, а есть только скрещение племенных языков, и нет изолированных этнических групп, а лишь скрещен-

^{x/} И.И.Мещанинов. Новое учение о языке.

^{xx/} Равдоникас. За марксистскую историю материальной культуры. 1931.

ные. Примеры этого он дает на коренных финских словах, которые при палеонтологическом анализе очень часто распадаются на элементы, указывающие, что это слова скрещенные, что они-именно результат скрещения более ранних человеческих группировок точно так же, как и многие, признаваемые финскими, географические или племенные названия: "Вот известные термины: Меряне, Пермь, Бежецк. В архетипах: меряне MER-YEN /элементы BER-JON /, Бежецк-BE(R)-JEN /за отводом позднейшего суффикса "ци"/. Пермь-PER-MEN /т.е. элементы BER-JON /. Каждый из этих элементов связан с древнейшими социальными группировками-берской и ионской, существовавшими тогда, когда никаких финнов, конечно, не было и в помине". х/

По существу, Равдоникас отрицает этническую самостоятельность какого-бы то ни было племени. Это находится в полном соответствии с принципиальными установками Марра. И подобную же мысль проводит историк Быковский в своей книге- "Яфетический предок восточных славян-киммерийцы". Нет этнической группы восточных славян, нет национального начала Руси, нет русского народа, -есть только особая разновидность многообразного скрещения древнейших яфетидов. "И вопросу о важнейших центрах Руси я привлек лингвистику, археологию и этнографию.... и пришел к убеждению, что пелазги/этруски- кимеры-тавры/ были яфетическими предками восточных славян".... И поэтому необходимо пересмотреть историю Руси.... Прехние положения о славянах совершенно разбиваются палеонтологическими исследованиями... Нет истории Руси, а есть история "Яфетидии".... К подобным выводам можно прийти на основании марксистски-обоснованной книги Быковского.

х/Равдоникас. За марксистскую историю материальной культуры.

Переходим к трудам академика И.И.Мещанинова. Он-единственный ученый в Советском Союзе, которому позволено некоторое "свободо-мыслие" в отношении теории Марра. Так, например, Мещанинов колеблется в признании 4-ех элементов, и в своих работах, особенно последних, не пользуется ими. Он даже открыто сказал, что "анализ слов современной речи по 4 элементам ничего не дает". х/ Подобное заявление против теории Марра, признанной Советским правительством "ортодоксально марксистской и прогрессивно-революционной" хх/ во всех ее положениях, является привилегией, разрешенной только Мещанинову. Другие, в чем-либо отступающие от Марра, обычно караются сурово, как мы это видим из официальной статьи, помещенной в "Литературной газете" от 15 февраля с.г. На этом мы остановимся подробнее несколько ниже.

Кроме того, Мещанинов несколько отступает от Марра в применении стадийного анализа. А именно: Марр сосредоточивается исключительно на семантическом анализе языка-мысли в увязке с производством и экономикой данной общественной стадии, — Мещанинов же вводит как бы связующее звено между сравнительно-формальным методом индоевропеистики и Новым учением о языке в виде метода стадийной типологии. Последняя пользуется формальным анализом всего строя языка той или иной стадии, в первую очередь формальным анализом морфологии и синтаксиса, и устанавливает совокупность формальных показателей, по которым одна языковая стадия отличается от другой.

В разъяснение своего промежуточного положения между яфе-
х/И.И.Мещанинов. Марр-основатель советского языкознания, 1949.
хх/Постановление Президиума Академии Наук СССР от 21 июля 1940 года, утвержденное Советом Министров.

тидологией и индоевропеистикой Мещанинов пишет: "Яфетидология, оспаривая правильность формально-сравнительного метода, вовсе не отказывается ни от изучения формы, ни от сравнительного подхода, перестраивая его на сравнительную палеонтологию, то есть на сравнительное изучение формы в ее социальной значимости".^{х/} Однако, в целом Мещанинов является ярким апологетом теории Марра. Так, в одной из своих последних работ - "Стадиальность палеоазиатских языков", - проводя свой формальный типологический анализ, по которому он относит все исследуемые им языки народов северной Азии и северо-американских индейцев к эргативной стадии, в послесловии к книге он все^{же} заявляет, что он пользовался при исследовании всеми яфетидологическими методами, и они еще раз подтвердили правильность учения Марра.

Б. Противники Марра и их критика марризма.

Но у Марра много и противников. До 1930 года они выступали открыто/ проф. Щерба, Долобоко, Якубинский, Чикобава, Петерсон и много кавказоведов-учеников самого Марра/, но после, ввиду последовавших политических репрессий, они вынужденны были замолчать и внешне признать все положения яфетидологии.

Основные возражения Марру сводятся к следующим: Марр часто противоречит сам себе в своих открытиях, его выводы страдают априорностью, он односторонен в своем увлечении кавказскими языками-нельзя лишь на одной системе языков/ преимущественно кавказских/ строить общую теорию мирового языкознания; его материалисти-

х/ И.И. Мещанинов. Новое учение о языке. Филологическое обозрение

...указывает на статью: "В распоряжении..."

ческие положения страдают механистичностью, ибо нельзя язык и мышление выводить непосредственно из материального базиса производства и экономики. На эту тему был большой диспут в 1939 году в Ростовском на Дону университете с французским ученым MARCEL CONEN (INSTITUT D'ETUDES SLAVES-PARIS), который настойчиво обвинял Марра в искажении подлинного марксизма и в подмене его механистической теорией. Кроме того, 4 элемента не признавались большинством лингвистов, как не подтверждаемые языковым материалом. Лишь проф. Е.Н. Петрова, Ф.П. Филин и В.А. Малаховский выступали с поисками 4-ех лингвистических элементов в русских этимологиях. Петрова доказывала, что русский корень зор-зар-зир-эр есть не что иное, как яфетический SAL; Филин находил элементы SAL, BER, JON, ROW в русских названиях земледельческих орудий, а Малаховский, разлагая слова ру-ка и то-пор, сводил их к яфетической двухэлементности. Но вряд ли эти положения можно признать за достоверно научные.

Самое главное и общее для всех противников Марра обвинение против него выразилось в том, что Марр обратил науку в слуханку политики, сузил ее официальными рамками требований Советского правительства и лишил ее свободы творческой мысли.

В. Борьба вокруг теории Марра.

Очевидно, и в настоящее время появились /хотя и затухавшие/ взгляды, не разделяющие ортодоксальности теории Марра. Об этом свидетельствует тревога, забитая недавно "Литературной Газетой" /от 13 февраля/ по поводу неблагоприятия на филологическом факультете Московского университета. Цитирую из статьи: "В распоряжении сту-

дентов имеется единственный учебник по введению в языковедение Р.Шор и Н.Чемоданова. Этот учебник в партийной печати был подвергнут критике, как не марксистский... Учению академика Марра, создавшего советское материалистическое учение, посвящены только полторы страницы.... Ясно, что такой учебник не может вооружить советского студента основами языкознания". Далее следует вывод о необходимости изъять учебник, написанный не вполне в духе Марра. Затем автор статьи переходит к обвинению профессоров филологического факультета Московского университета, уклонившихся от доктрины Марра. "Совершенно непостижимым является тот факт, что те ученые, взгляды которых были подвергнуты критике, как несоответствующие теории Марра, до сих пор не выступили с признанием своих ошибок"/ называются имена Аванесова, Кузнецова, Ломтева, Петерсона, Серебрянникова и др./... "Эти факты со всей очевидностью свидетельствуют о неблагоприятном положении с изучением и развитием теории Марра на филологическом факультете Московского университета". И затем, как общий итог, подчеркивается политическая ортодоксальность теории Марра в борьбе с "буржуазными космополитами"; "Советское материалистическое языкознание, созданное академиком Марром, является единственно прогрессивным учением, противостоящим буржуазным космополитическим эклектическим теориям".

Гослеление.

На этом я заканчиваю свой доклад о Яфетической теории Марра. Задачи моего доклада были чисто информационные: познакомить американскую аудиторию с методологическими исканиями современно-

ю советского языкознания, с главным лицом в советской лингвистике — академиком Н.Я.Марром, его жизнью, научной деятельностью и языковедческой теорией, со взглядами его последователей и противников и с общим положением "марризма" в СССР. Я старалась быть объективной в своем изложении. Представляю теперь высокоуважаемой аудитории самсой сделать вывод о степени научной ценности учения Марра и об общем положении советского языкознания.

Содержательная "Марризм и язык"

М.А.Полторацкая.

и строгая. Этим выступлением Сталина, конечно, можно считать, что марризм — это не только учение Н.Я.Марра, но и учение Сталина.

В предисловии Сталин пишет: "Группа молодых товарищей обратилась ко мне с просьбой рассмотреть свои труды в печати в качестве филологии, в вопросе о марризме и филологии". Я не филолог, и естественно не могу вполне удовлетворить любопытство части молодых товарищей. Но в вопросе о марризме и филологии я в этих областях наук, я имею определенное представление. Вот почему я согласился ответить на ряд вопросов, заданных этими товарищами".

Вопрос. Верно ли, что марризм — только известная над языковыми базисом?

Ответ. Нет.

Вопрос. Верно ли, что сущность всякого языка была и остается классовой, и что в нем нет общего, объединяющего все слои общества бесклассового языка?

Ответ. Нет. Марр разработал теорию, смысл которой состоит в том, что всякий язык имеет свой классовый язык. Это абсурд. Каждый язык

используемый язык является языком народа. Наличие классовых диалектов и жаргонов только подтверждает правильность суждения, что национальный язык — язык народа.

ПРИЛОЖЕНИЕ:

"Последнее слово" Сталина по теории академика Марра.

Москва, 21 июня. Сталин лично вмешался в происходящую сейчас в московской печати дискуссию о языкознании. Во вчерашнем номере Правды напечатана пространная, на полторы страницы, статья Сталина, озаглавленная "Марксизм в филологии" и составленная в виде вопросов и ответов. Этим выступлением Сталина завершается, повидимому, окончательный разгром языковедческой школы советского филолога Марра...

В предисловии Сталин пишет: "Группа молодых товарищей обратилась ко мне с просьбой определить свою позицию в печати в вопросах филологии, в вопросе о марксизме в филологии"... "Я — не филолог, и естественно не могу полностью удовлетворить любознательность молодых товарищей. Но к вопросу о марксизме в филологии и в других социальных науках, я имею отношение непосредственное. Вот почему я согласился ответить на ряд вопросов, заданных этими товарищами"....

Вопрос. Верно ли, что язык — это только надстройка над экономическим базисом?

Ответ. Нет.

Вопрос. Верно ли, что сущность всякого языка была и остается классовая, и что в мире нет общего, объединяющего все слои общества бесклассового языка?

Ответ. Нет. Марр разработал теорию, смысл которой состоит в том, что каждый класс имеет собственный язык. Это — абсурд. Каждый на-

[Illegible handwritten text]

ПРОФИТОРИ: УГО. ПОД. БЕЛЫЙ. ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ. КОСОВОСЛОВИЕ

Москвы/.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

От первых встреч с ним замечательным французом стало

ВНЕШ. УГО. ОТНОШЕНИЯ СОВ. СОЮ. В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ, 1941-1945

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1. Биографические данные о Н. Я. Марре.....	1
2. Характеристика основных положений лингвистической теории Марра.....	7
3. Стремление Марра к подведению марксистского базиса под его "Новое Учение о языке".....	13
4. Три основных лингвистических положения теории Марра/ А,Единство глоттогонического процесса, или Низизм языкового развития, Б, Палеонтоло- гический анализ, В, Стадиальный анализ/.....	13
А.Единство глоттогонического процесса:	13
а,Четыре основных звуковых комплекса /Sal, Ber, Jon, Roш/.	
б,Деление языков на стадии и системы....	15
в,Сравнительные особенности яфетиче- ской и индоевропейской систем языков.	17
Б.Палеонтологический анализ/историче- ская семантика отдельных слов/.....	19
а,его сущность.....	19
б,Техника яфетидологии/ анализ по 4 се- манτικο-звуковым элементам и аналити- ческий алфавит или яфетическая тран- скрипция/.....	21

В. Сталинский анализ/различные образцы, синтаксического строя речи/.....	25
5. Семантические ряды/пучки/ и функциональная семантика/.....	28
6. Грамматические категории и история их проис- хождения.....	31
7. Ортодоксальная роль учения Марра в настоящее время в СССР.....	36
А. Последователи Марра:	
труды советских ученых -	
археолога Равдоникаса,	
историка Быковского,	
языковеда Мещанинова.	
8. Противники Марра и их критика марризма.....	39
В. Борьба вокруг теории Марра.....	40
8. Послесловие.....	41.
.....	
ПРИЛОЖЕНИЕ.	
"Последнее слово" Сталина по теории академика Марра.....	43.

ГЕОРГИЙ ГРЕБЕНЩИКОВ.

ДОРОГА К СЕРДЦУ ФРАНЦИИ.

/ Фрагменты воспоминаний о ПОЛЕ БУАЙЕ /.

Не странно-ли, что в Америке, среди членов : многочисленной Ассоциации учителей славянских и восточно-европейских языков, возникла мысль о переиздании руководства по русскому языку для иностранцев, написанного французом? Или среди столь опытных русских профессоров не находится более подходящего автора, или же этот француз оказывается настолько превосходным знатоком русского языка, что именно ему отдается предпочтение? Думаю, что мысль эта не унаследована русского имени, а, наоборот, увеличивает его славу, потому что это свидетельствует о том, насколько Россия, ее язык и культура способны влюбить в себя большого культурного иностранца. Это пример того, как люди разных стран, знающие языки, могут быть здоровым и созидательным звеном между народами, и как они прокладывают путь к подлинному взаимопониманию, уважению и мирному сотрудничеству. Поль Буайе интересен, таким образом, не только как педагог, как личность, но как центр определенных культурных достижений его времени, тех самых духовных ценностей, без которых ни одна нация, ни один человек не могут жить достойно человеческого звания.

От первых встреч с этим замечательным французом прошло почти уже тридцать лет. Под листопадом событий, трудов, борьбы и

надсадного пионерства в Америке, память моя так засорилась, заросла бурьяном спешных дел и событий, что похожа на застоявшуюся лужу. На поверхности она еще отражает синеву неба, и солнце обманчиво ее золотит, но дно ее так мелко и так тинисто, что лучше бы уж совсем высохла,...

Все же, предложение Н.П.Автономова написать о Поле Буайе то, что я знаю, разбудило во мне целый вихрь давно забытых образов, картин и лиц и личных переживаний. Как будто через застоявшуюся лужу моей памяти проскакал всадник, на восходе солнца, взвихрил фонтаном мутную воду, и из нее выграла вверх целая многоцветная радуга. Но как и радуга-только абстракт, мысль изреченная становится обманной, часто неверной точкой зрения свидетеля. Поэтому невольно возникает мысль о том, интересно ли читателю то, что близко и дорого пишущему. Одно несомненно, что того, что было при известных комбинациях событий, могло совсем не быть, или это было бы в совсем ином, противоположном построении.

Трудность моей задачи осложняется тем, что, вспоминая о Поле Буайе, я не могу убрать со сцены своей личности, как это полагалось бы для соблюдения хорошей литературной традиции. Если врач помог больному и за это получил признание, как достойный врач, нельзя не рассказать, чем и как страдал свидетель-пациент. Конечно, я не собираюсь входить в подробности о своих физических и духовных язвах того времени, но бегло я должен указать ухабы и преткновения на моем пути во Францию, что в те времена было такою же неосуществимою мечтой для большинства изгнанников или добровольных беглецов из пределов своей родины, какою является теперь мечта бесчисленных Д.П. попарть в Америку. Слишком

большую роль сыграл в моей судьбе Поль Буайе, чтобы судьбу эту лишить некоторых фактов и живой пульсации. С другой стороны, мне очень жалко, для определенной цели, кончать или обходить события и те личные переживания, которые как раз для литератора так важны в его добросовестном показании. Но это придется сделать по чисто техническим соображениям — за недостатком места в данном случае.

Я очень рад, что у меня сохранились и уцелели дневники, хотя и очень бегло и небрежно написанные, но они дадут мне так много материала, что сокращение его является сплошным стенанием. Я стригу и брею самого себя со всех сторон и все же чувствую, что не смогу втиснуть свои мысли о Поле Буайе в узкие рамки краткого очерка. Читатель понимает, что не все материалы дневников касаются моих встреч с Полем Буайе, и мой путь во Францию не был целью его встретить. Я его тогда даже и не знал. Но тем ценнее вырисовывается облик этого человека, тем важнее и многообразнее остальные встречи и события в Париже, путь в который был немисли и все-таки свершился.

Ни средств, ни ранга, ни иных оснований пробиться во Францию у меня не было. Кое-то из важных лиц знал меня по "Русским Ведомостям", в которые я посылал с фронта во время первой мировой войны свои очерки, и это в Ялте, в сентябре 1920 года, позволило выхлопотать заграничный паспорт. А в Севастополе корреспондентская карточка уже не существовавших Русских Ведомостей за подписью редактора, профессора Московского университета Мануйлова, открыла мне дверь в Турцию. Игравший некоторую роль во Франции проф. П.Б.Струве как-раз приехал по делам в Севастополь и, при-

нявши меня, продвинул мое дело с визой через ряд официальных учреждений, но насчет возможности пробиться до Парижа, выразил сомнение; тем не менее дал некоторые практические наставления и послал телеграмму в Париж нашему послу В.А.Маклакову. Протаранить все препятствия, возникшие на моем пути во Францию, помогали какие-то фантастические случайности, может быть, и на роду написанные приключения. Хотелось бы провести прямую, резкую линию через попутные зигзаги, но надо быть факиром или акробатом, чтобы прыгнуть в Париж прямо из ада, которым был тогда Константинополь. Нельзя не обмолвиться о том, что, прибывши в Турцию еще до второй волны беженцев из Крыма, вернее, до девятого, самого грозного вала крымской эпопеи, мы смогли найти место в русском лагере, куда мы попали, впрочем, лишь по рекомендации двух известных общественных работников: Аделаиды Вл. Жекулиной, с которой я случайно встретился еще на пароходе, и Анастасии Андр. Кузыпной-Караваевой. В одной и той же палатке, за брезентовой перегородкой, жил военный академик, генерал Ан.Апп.Беер с женой. Так как мы с женой привезли из Крыма орудия своего труда: я-пишущую машинку, а Татьяна-швейную, то стук и шум машин привлек внимание генерала и генеральши. По совету Жекулиной, я объезжал Прищовы Острова и описывал лагерь беженцев; посылал очерки в Крым, в Харьков, в Париж, Вл.Л.Бурцеву для его "Общего Дела" (в переводе княгини Гагариной, которая и ныне здравствует в Новой Англии), один из этих очерков появился в старейшем американском журнале The Living Age в 1922 году). Татьяна же шила белье для госпиталя, и, таким образом, мы были беспокойными соседями. Но соседи наши оценили это похорошему, и про-

Второй Рим-Константинополь потоку разграбления и насилия до такой степени, что император Византии должен был подписать с Олегом позорный для себя мир и разрешить русскому временному владыке Царьграда водрузить свой щит на воротах столицы. И вот теперь иная картина: мирно стоявшие русские корабли были осыпаны со всех сторон, как муравейником, хищническими яликами и лодками греческих и турецких торговцев, буквально за кусок хлеба получавших на ниточках, на проволочках спущенные им с бортов в обмен нательные кресты, часы, золотые портсигары, венчалъные кольца... Эта явь, реальная картина двадцатого века, не поддается описанию. Победенная внутри своей же родины русская армия пришла искать убежища у побежденного-же своего недавнего врага, у Турции, хозяевами которой были теперь англичане, греки и французы... Какая ирония судьбы! Недавние союзники не хотели принять или не знали, куда девать и как устроить сто тысяч нежданных гостей. Негодовали, вспоминали позорный для России Брест-Литовский мир, не этой армией заключенный.. Злорадствовали над его последствиями... А сто тысяч не сдавшихся внутреннему врагу, покинувших свою родину воинов несли на себе непосильный крест вознезидия.

Потрясенный до глубины души не только исторической трагедией, не только военной и гражданской катастрофой своей родины, но чисто человеческим страданием видимого и сверхчеловеческою драмой невидимого и невообразимого, когда в трюмах задыхались и умирали раненные и истощенные, я написал со всею силой душевного вопля небольшую статью-обращение к союзникам, под заглавием: "Снимите Распятых!" Имела ли эта статья необходимое воздействие - я не могу ска-

затъ, но то, что она была напечатана на турецком, греческом, английском и французском языках и передана по телеграфу в Париж, обратило на себя внимание тех, от кого зависела моя личная дальнейшая судьба. С работы грузчина на пристани я был снят. Генералы, князья, бывшие министры, графы и графини признали "кухонного мужика", ходившего рано утром на Галату за дешевыми продуктами для посольской кухни и приняли в свою среду. Я сидел с ними рядом за обедом и ужином, я слышал разноречивый говор тридцати избранных беженцев, жильцов посольства. Французская речь, конечно, была для русской аристократии родной речью, и тут впервые, то и дело, повторялось имя: Поль Буайе, Поль Буайе.. Его вспоминали даже и те из знатных и когда-то неприступных особ, которые до того и не знали скромного директора французского института в Петербурге. Теперь же он почти у всех был на устах, как один из немногих, оставшихся верным другом России, помогавших многим русским и в Париже и вне Франции, несмотря на Брест-Литовский "мир". Из Константинополя на имя Поля Буайе сыпались десятки телеграмм от знатных и полу-знатных лиц, княгинь и князей, генералов и людей искусства: они домогались не только его посредничества для получения виз, но и покровительства и защиты в ужасающей атмосфере перенаселенного Константинополя. Французские власти никого из русских не хотели пропускать во Францию. Даже греки, тоже имевшие свои войска в Константинополе, русских презирали, массами гоняли в грязные турецкие бани, и хотя не считали всех нас вшивыми, но боялись тифа, мыли и брили русских и опасались, что мы несем с собой анархию.. Легко себе представить самозащиту от нашествия иноплеменных и осторожность французов в самой

Франции. Положение Поля Буайе было особо щекотливое. Его осаждали русские со всех сторон, а эта возня с русскими была совсем не в духе времени и могла очень повредить горячему патриоту своей родины.

Вот при такой-то обстановке, не имея никаких надежд и оснований на какой-либо "вызов" из Парижа, в самом начале декабря 1920 года мы попадаем на пароход Константин, тот самый, на котором приехали из Крыма, и вместе с семьей генерала А.С.Лукомского, графа Гейдена/ графиня Ек. Мих.- родная сестра Софьи Мих. Лукомской, а обе они- дочери знаменитого генерала Драгомирова/, адмирала Кедрова и других именитых спутников ^{идем} попадаем через Грецию в северную Африку, в Бизерту, а оттуда, после двухнедельного карантина, всех нас принимает на свой борт военный французский крейсер Эдгар Кине. В бурных волнах Средиземного моря, за общим столом командования кораблем, мы встречаем новый 1921 год, а утром 2-ого января приходим на юг Франции, в Тулон.

Но здесь разница в происхождении и чинах все-же сказалась. Все важные и именитые были спущены немедленно, а нам объявили, что...никакой визы у нас не было... Нам угрожала депортация обратно в ад Константинополя. Но А.С.Лукомский не покинул нас. Он послал телеграммы В.А.Маклакову от своего имени, а от моего В.Л.Бурцеву и П.Н.Милюкову, в газету которого я тоже посылал из Турции свои очерки. Милюков обратился к Маклакову и ... к Полю Буайе... Через сутки Маклаков ответил, что нам дается транзитная виза через Париж в Бельгию.

Сойдя на берег в Тулоне, мы не могли идти по твердой

французской земле: три недели жизни на укачивавших волнах моря все еще кружили нам головы. Мы шатались и падали, но смеялись от радости и удивления, что мы во Франции. Не зная французского языка, мы боялись всех встречаемых, как бы с нами не заговорили и не узнали, что именно мы ответственны за Брест-Литовский мир с немцами.

Генерал Лукомский с улыбкой признался, что, во-первых, он взял нас без визы "своей властью", которая здесь не действует, и что, во-вторых, ехать в Париж ему не-на-что, и он останется в Тулоне писать свои мемуары. А ему, бывшему сотруднику Николая Второго в мировой войне и соратнику генералов Деникина, Корнилова, Алексеева и Врангеля в "белом движении", было о чем вспомнить...

Мы решили встретить вместе с Лукомскими русское Рождество в Тулоне и списаться с Парижем. Жили в Париже наши друзья по Ялте, супруги Швецовы. Борис Алексеевич до революции был очень богат и славен по Сибири, а Аполлинария Алексеевна имела терпение, на одном из литературных вечеров в Ялте, прослушать отрывки из моего романа "Чураевы" и была к нам расположена. Она знала французский язык и имела знакомства среди французов. Одна французская семья, по фамилии Дюготье, оказалась из России. Отец семьи, уже умерший, имел большие сахарные заводы в Киеве; после революции все это было отнято, конечно, и они сами жили во Франции на положении беженцев. Однако, великолепно знал русский язык, они могли писать нам по-русски, и одна из сестер, Маргарита Артуровна, бывшая замужем за русским полковником Волковым, прислала нам приглашение на первые дни к себе и сопровождала его картой Парижа, по которой

мы могли бы легче разыскать их квартиру. Прехавши в Париж рано утром и оставив багаж на вокзале, мы отправились на бульвар Монтпарнас ПЕШКОМ. Мы просто боялись кого-либо о чем-либо спрашивать, не хотели тратиться на автокар и не хотели обнаруживать своего безъязычия. Путь оказался настолько длинным, что мы пришли к мадам Волковой-Дюготье только к полудню. Встретили нас, как родных.

Устроившись по-соседству с Дюготье в маленьком отеле, мы достали с вокзала наши машинки, и они вскоре застучали, потому что и Татьяна получила уже "работешку" по шитью. Таким образом, мы почувствовали себя почти как дома. Но вот однажды ночью— стук в дверь. Вошли три хандарма. Они бесцеремонно стали нас обыскивать. Спасли нас наши машинки— орудия труда, и маленькая визитная карточка, написанная по-французски баронессой Людмилой Сергеевной Врангель./Кстати— это не из линии генерала Врангеля, а из других Врангелей: Людмила Сергеевна— дочь известного писателя С.Я.Елпатьевского/. Но угроза быть снова обысканными и, может быть, арестованными за беспаспортность и с временной, транзитной визой, нависла над нами темной тучей. Надо было искать протекции. У кого? В семье Дюготье решили: у Буайе! Но из них никто с ним лично не был знаком, а по телефону отвечают неопределенно: профессор занят. Все-же старшая сестра Дюготье, Евгения Артуровна Гануш, чешка по мужу, прекрасная лингвистка и очаровательная женщина, отважилась направить меня с ее личным письмом прямо в Институт восточных языков. Принял меня юркий молодой человек, на письмо даже не посмотрел и положил его в кучу других писем в приемной. Я решился спросить его, как ушел, по-французски: говорит ли он по-русски? Он ответил мне со

смехом по-русски: "Теперь никада по русску.... Но". И, взявши со стола рекомендательное письмо, позвал проходившую мимо барышню и что-то со смехом сказал. Она раскрыла письмо, попыталась произнести мою фамилию и разразилась смехом. Подошла к важному, в ливрее, швейцару, что-то пролепетала, оба расхохотались. Швейцар начал произносить мое имя, коверкая его, и теперь смеялись все трое вместе и, видимо, с большим удовольствием. Я понял, что все мои связи с генералами, графами и русской литературой здесь кончились. Я слышал, как швейцар, смеясь и что-то быстро говоря, то и дело заканчивал свою фразу восклицанием: Ха! Потом еще фраза и опять Ха!

Я все-же упрямо кдал, не выйдет ли из кабинета сам Буайе. Но он не выходил. А посетители в приемной прибывали и, видимо, больше русские. Подождавши еще с полчаса, я, не солоно хлебавши, ушел с тяжелым чувством обиды.

Но в Париже, как и всюду в центрах борьбы за всякий шаг и миг существования и за право на воздух и труд, обидой пути не выместишь. Надо было обивать пороги прежде всего власть имущих, добиваясь вида на жительство, потом находить лиц, имеющих силу и влияние, измучивая добровольных переводчиков и переводчиц, досаждавая занятым и усталым русским людям, которые уже осели и имели связи или средства. А тогда такие были и среди них люди удивительной доброты и терпения... Помню, профессор С.Г.Сватиков, полный и подвижной, знавший языки и энциклопедию искусства, пользовался каждым нашим, а не своим, свободным днем, чтобы показать нам музеи и иные учреждения культуры и прогресса. Княгиня М.К.Тенишева, княгиня Е.К.Червертинская и многие другие люди с именем проявили по отношению к нам

образец понимания неравных и внимания равноправных. Доктор Васильев, во дворце которого, в Ялте, за короткое время нашего там пребывания, группа литераторов, во главе с С.Н.Елпатьевским, устроила центр Чеховского литературного общества, потерявши все в России, завоевал среди русских уважение и любовь тем, что не только лечил всех беженцев, но и покупал для них лекарства. Доктор И.Н.Коварский сам приходил в наш жалкий отельчик, чтобы лечить и помогать устраивать мои русские книжки у издателя Поволоцкого. Вл.Л.Бурцев возился со мною, несмотря на свою неусыпную занятость, и сам предложил перевести несколько моих вещей для его французского еженедельника "Виктуар". Возможно, что это и было первой удочкой, заброшенной во французские бурные воды для первой удачи.

Были приятные встречи с русскими большими писателями: Буниним, Мережковским, Куприним. Роман "Чураевы" я сам читал Бунину еще в Киеве весной 1918 года, и он предложил его в Париже П.Б.Струве для его журнала "Русская Мысль" в Болгарии. Создавалась хорошая атмосфера внимания и интереса. Около рукописи возникла как бы ревность. Бунин рассказал о романе редакторам только что возникшего в Париже толстого журнала "Современные Записки", и рукопись читалась там, когда Струве предлагал уже аванс за издание романа. Сомнения появиться в Париже позволял мне выжидать и не давать романа Струве. Это был риск: пять редакторов "Современных Записок": Фундаментский, Авксентьев/да, тот самый, председатель не долго жившего Учредительного Собрания/, Александр Койранский, М.Вишняк и..... А.Ф. Керенский....риск был велик. Они могли не согласиться между собой и отвергнуть роман. Струве, конечно, после этого мог перестать

со мной разговаривать... Но и соблазн был велик: если эта группа одобрит, — значит, стоит игра свеч. Надежда на то, что "Чураевы" меня вывезут, теплилась во мне не потому, что я сам был уверен в качествах романа, а потому, что у меня было уже два козыря в запасе: признание Бунина и его переговоры со Струве, а потом письмо Максима Горького, который летом 1917 года принял роман для издания в его "Парусе", но революция даже и Горьковский "Парус" утопила в море крови.

Волнений было довольно и по линии различных выступлений. Супруги Коварские начали свои литературные вечера "Дети детям", и моя книженка "В некотором царстве" собственно и была результатом моего участия в этих вечерах — если не специально для детей написанная, то для них подобранная и прочитанная. Затеваюсь и свой литературный вечер с участием тончайшей и очаровательнейшей Ек. Н. Рожиной-Инсаровой и графа А. Н. Толстого. Впрочем, все это было только в планах и волнениях, но это помогло мне забыть обиду в приемной Поля Буайе.

Но вот, где-то далеко от центра Парижа, разыскивая адрес концертного зала, мы совершенно заблудились. Не смея кого-либо спрашивать, все по той же причине беспаспортного проживания в столице, мы заглядывали на подписи улиц, с опаской перебегали через поток уличного движения. Думая, что тут никто не может знать, на каком языке мы разговариваем между собой, мы немножко громче обыкновенного выразили на словах нашу растерянность. И вдруг возле нас, как из-под земли, вырос стройный, красивый, весь в черном, в накидке в виде плаща, жандарм. И на величественном русском языке очень мило и с улыбкою, спросил:

-В чем дело? Заблудились?

Вместо ответа, пораженный таким чистым произношением, я, в свою очередь, спросил:

-Вы -русский?

-Ничего подобного, как бы обидевшись, ответил он. Я-француз.

-Но где Вы так хорошо научились говорить по-русски?

-Как где? У нас тут есть прекрасная школа русского языка.

-Институт Восточных языков Поля Буайе? с некоторой гордостью добавил я.

-А Вы тоже с ним знакомый? Он так и спросил-знакомый, но сию же минуту исправился: Вы с ним знакомы?

И, помню, не задумываясь, я воскликнул:

-О, конечно!

Лицо жандарма совсем просияло, и он сделал нам подробное описание нашего дальнейшего пути, благо, мы ошиблись лишь на несколько кварталов. Но почему я сказал, что знаком с Полем Буайе и даже "конечно"? Психологически или подсознательно, вероятно, вышло это потому, что эта ложь была как бы комплиментом милому жандарму и Буайе. Даже теперь я соглашусь с тем, что солгать было уместнее, нежели дать отрицательный ответ. Тем более, жизнь- такая художница, что неожиданностей, ею творимых, нельзя и придумать. Может быть, когда я говорил жандарму о том, что знаком с Буайе, интуитивно угадывал парадоксальный случай.

Ровно через три дня, 5 февраля, я получаю красивую пригла- сительную карточку на обед в...честь русских писателей в Париже, устраиваемый Полем Буайе. Но при чем я тут? Русским писателем,

которого... чувствую, я себя никак не считал и боялся, что произошло недоразумение. Поймите меня: я был достаточно взрослым и сознательным человеком, чтобы во Франции не позволить себе риска быть самозванцем. И я имел на это основание: во Владивостоке был такой, настоящий профессор Гребенщиков и при том — востоковед. Не принял ли Поль Буайе меня за настоящего Гребенщикова? Другое обстоятельство смущало: обед должен состояться в тот же вечер, пятого февраля, в восемь часов вечера. Письмо шло через "Виктуар" и потом через Дюготье — три лишних дня прошло, и я не мог во время ответить. Как я являлся, как бы вне счета и ожидания? И в чем я появлялся? Не было не только смокинга, но не было и приличного костюма. Но и отказаться от такого случая было тоже не просто. Теперь вы представьте себе двух поехонцев из Сибири, считающих все заработанные франки — Миллюков и Бурцев были не только отличными редакторами, но они и платили и платили по тем временам хорошо... Франков оказалось достаточно не только на смокинг, но и на пальто, и на котелок, и на тросточку...

Надо было видеть удивление Татьяны, которая даже отодвинула в сторону кровать в нашем тесном номере, чтобы я сам на себя посмотрел в зеркало во весь рост. Я выглядел совсем благонадежным французом; как знак полного одобрения, она торжественно вручила мне тросточку. В запасе у меня было несколько французских фраз с переставленными не на свои места словами в новгородском построении, и я повторял их громко и шепотом. Но смелым Бог владеет тем более, что Поль Буайе оказался настолько тонко-гостеприимным, что пригласил к этому обеду именно таких своих

и мертвые души! В дневнике моем уже под 30 октября 1921 года записано:

"Был у переводчика Монго. Он рассказал, что Гиппиус и особенно Мережковский ^{негодовали} против издателя Боссара, звонили ему по телефону, а Мережковский сам прибежал в издательство и спрашивал: "Как можете вы издавать рядом с нами какого-то никому неизвестного Гребенщикова?!" Оказывается, Боссар смутился, звонил Поль Буайе, и тот спокойно ему сказал: "Но ведь и Мережковский когда-то был молодым и неизвестным". Монго смеется. Успокаивает. "Не беспокойтесь: "Чураевы" сами за себя постоят. Поль Буайе читал Вас в подлиннике и уже подготовил для Вас хороший сюрприз: о Вас будет писать самый тонкий знаток русской литературы Эмиль Оман в "Журналь де-Деба". У меня есть и другие связи с лучшими критиками".

Не знаю, что было сильнее: обида ли на старших собратьев или радость, что чужие люди, французы, так трогательно обо мне заботятся. Неужели в самом деле писания мои того стоят? Но Поль Буайе доказал это еще в марте, вскоре после обеда у него с французами. Зная, что я нуждаюсь, он предложил мне прочесть в его Институте несколько лекций для его студентов, изучавших русский язык. Он наставлял меня при этом:

"Вы и не думайте, что они не поймут. Конечно, не все они хорошо понимают, но Вы должны читать так, как говорите. Им надо слышать русский разговорный язык без единого французского слова". Вот тогда-то он и выхлопотал у главного французского префе-де-поли вид на наше постоянное жительство в Париже. И

Поль Буайе проявил ко мне настолько широкую дружбу и постоянство в своих отношениях, что снабдил меня рядом рекомендательных писем и тогда, когда я отправлялся в Америку. Помню, между прочим, в одном из писем ко мне он называл Чикаго не Чикаго, как мы говорим, а именно- Шикого, как говорят американцы.

Теперь еще одно, последнее сказанье, и летопись окончена моя.

Итак, Париж был для меня в некотором роде испытанием моих сил на литературном поприще и в то же время выходом в люди в Европе. За три года во Франции я преуспел гораздо больше, нежели затем, за четверть века в Америке. Мне не хотелось бы походить на стареющую примадонну, сохранившую лавровые венки, когда-то в молодости поднесенные ей ее театральными почитателями, но я не прочь упомянуть, рискуя своей репутацией, о тех шипах и терниях, в которых, тем не менее, расцвели и мои первые европейские розы.

Французское издание моего романа, а главное, конечно, прием его французской критикой продвинули меня на страницы некоторых журналов Парижа и толкнули мою книгу в другие страны. Я не стучался сам в редакции и издательства, как это необходимо в Америке даже для признанного писателя....

В то время, когда в Америке я уже сгибался под тяжестью труда, срывая косогоры и укладывал камни в фундаменты домов для чужаевских колонистов, в Париже, в том самом журнале "Современные Записки", в

котором прошел мой первый роман, Зинаида Гиппиус, под именем Антона Крайнего, писала обо мне: "Не только не бриллиант, но даже не каушек-гранит". И даже А.И.Куприн, добрейший и тончайший в своих чувствах даже по отношению к животным, Куприн, который сам мне лично рассказывал, как он в России, в Киеве и на Кавказе, читал о моих первых книжках лекции, написал в газете "Возрождение":

"Маленький такой талантлик, с горюхиным ножичек". Правда, было и другое. Вера Ник. Бункина, жена премированного академика, писала в "Последних Новостях" в Париже о том, как М. Горький на Капри читал своим ученикам, начинающим писателям, рассказы из моего первого сборника "В Просторах Сибири", как образцы рассказов о народе. /Ф.И. Шаляпин уже здесь, в Америке, мне это подтвердил, — он как-раз был в это время в гостях у Горького на Капри/.

Тем не менее, там же в Париже, перед моим отъездом в Америку, когда вышел мой второй роман "Былина о Микуле Буяновиче", в русской печати появился только один отзыв М. Бенедиктова, который, при всем его опыте и литературном блеске, самого исторического смысла книги не угадал. Формальный, академически-сдержанный отчет дал в Америке проф. Е. А. Москов, да еще в Праге сибиряк Илья Савченко поглубже коснулся основного смысла книги. И это все, если не считать словесного отклика в своей лекции большого руссофила Н. П. Измайлова, выступившего перед малой аудиторией в обществе "Наука" в Нью-Йорке. В общем, книга успеха не имела, три тысячи экземпляров не были распроданы в течение четверти века.

Между тем, мне так хотелось, чтобы книга дошла до самого сердца именно русского читателя. Внутренно я чувствовал, что она должна рано или поздно зазвучать. И вот медленно появляются признаки ее воздействия на немногих, но избранных. Где-то в Риге молодежь, во главе с братьями Буковскими, ставит ее на сцене, как балладу в лицах. Делают это они с большим пониманием связи прошлого с грядущим.

В

Прошу правильно понять эти справки и упоминания. Мне самому хотелось проверить, как бы увидеть отраженным в зеркале чужого восприятия, самое действие "Билины". И тут мне повезло. Некоторые отрывки и сцены были даны в групповом чтении артистов Московского Художественного Театра. Впервые первую сцену, под режиссерством Болеславского, по-русски читала в зале Огеля Плаза осенью 1924 года группа, состоявшая из М.А.Успенской, Варвары Булгаковой, Л.Н.Булгакова, г-жи Болеславской, Бакшеева, самого Болеславского и др. Затем, уже по-английски, в разных театрах, под руководством М.Н.Германовой, М.А.Успенской и К.В.Лазарева. Но из отрывков нельзя было вынести полного впечатления ни автору, ни, тем более, слушателям или зрителям.

И еще раз повезло. Появились читатели "оттуда". В 1925 г. в Нью-Йорк приехала группа молодых артистов Московского Художественного Театра во главе с Вл. Ив. Немировичем-Данченко. Вот эти читали. Мне была приятна брань Вл.Ив.Немировича, который на меня кричал: "Что Вы сделали с моими детьми? Молодежь была зеленая/. Они не спят ночей, читают, плачут, утром не приходят на репетиции". Ольга Бакланова была одной из молодых, она осталась в Америке, вероятно, помнит, как они вырывали книгу друг у друга и не спали ночей, чтобы залпом за ночь все прочесть.

Здесь я подошел опять к тому, третьему году моей жизни в Америке, когда именно Поль Буаье первым прочел эту книгу тотчас после ее выхода из печати и дал о ней краткий, но очень лестный отзыв. Было у меня сомнение: увлекается мой добрый друг. Выдал за меня неоплаченный

вексель. И я боялся где-либо и кому-либо эту фразу открывать. Тем более, как вы видели выше, я был подавлен тем, что книга среди русского читателя успеха не имела. Некоторые не хотели брать ее потому, что слово Былина звучала для них пересказом старины. Но именно эта книга, первая на английском языке, вывела меня в люди в Америке. О ней прозвучали самые неожиданные отзывы в большой американской печати. Микула сам, без моего участия, проложил себе дорогу из Америки в другие страны — в Аргентину, в Бразилию, в Колумбию, в Мексику, в Испанию и даже в Индию, но появление его опять в Европе, на французском языке, было полным оправданием чуткости Поля Буайе. И радостно мне было, что незадолго перед смертью Поль Буайе мог сам убедиться в своей прозорливости.

Не для красного словца привел я эту, хотя и далеко не полную, историю о Былине, рискуя получить упрек читателя в "саморекламе". Я привел это, как вызов Поля Буайе знатокам русского языка и объективным критикам: вот прочтите или перечтите и решите сами: ошибся ли и насколько Поль Буайе в оценке хотя бы только этого, пусть спорного, документа, написанного именно в Париже, именно в пору напряженной мысли о том, как достигнуть до сердца иностранца и изложить для него сложнейшую для нас самих проблему русского бунта и падения и покаяния русской души. Поль Буайе не только понял это, — он во время и не раз протянул мне свою сильную, опытную руку и в своей стране меня, чужого, сделал своим и навсегда признательным ему и его соотечественникам, которые, как Эмиль Окан, Антуан Бурдель, Генри Монго и другие проявили к нам, русским, подлинно братское отношение и

возвысили в наших глазах Францию, как и они в своих трудах и отношениях возвысили и полюбили подлинную русскую культуру и наш прекрасный, всепобеждающий русский язык.

Несомненно, многие из русских знали Поля Буайе лучше меня, встречали его чаще и могут сказать о нем больше и лучше, но для меня он остается символом всего великого сердца Франции, и я низко, из-за океана, кланяюсь этой стране, как неугасающему светочу не только европейской культуры, но и как стране, переживающей сейчас великие моральные и материальные невзгоды и нуждающейся в искреннем признании ее заслуг перед всем человечеством.

Георгий Гребенщиков.

3 июня 1950 года.

Флорида.

Н. П. Автономов.

ПАМЯТИ ОТОШЕДШИХ

/И.Т.Гладченко, Dr. Alexander Stacey, Dr. Joseph J. Raymond,

Д.В.Загорского, доктора философии

Е. А. Москова/.

С чувством естественной и понятной грусти приходится мне писать настоящую заметку.....

Издаваемые мною журналы/ В помощь преподавателю русского языка в Америке и В помощь русской школе в Америке/ еще очень молоды: первый вступил в четвертый, а второй - в третий год своего существования. И за последние два года журналы потеряли несколько своих сотрудников и читателей: 5 человек ушло в лучший мир... 5 сентября 1948 года умер Иван Тихонович Гладченко, 6 февраля 1949 г. умер Dr. Alexander Stacey, 31 января настоящего года умер Dr. Joseph J. Raymond, 10 июля - Д.В.Загорский, а 25 июля - Е.А.Москов.

Это были люди разного социального происхождения и положения, разного образования, разного восприятия жизни, но в то же время схожие по их отношению и оценке русской культуры вообще и в частности - русского языка и русской литературы.

Четверо * из них, по происхождению, - русские, а родители проф. J. J. Raymond, родившегося в США - литовцы.

Среди них - три доктора философии - /А. Stacey, J. J. Raymond, Е. А. Москов/, два русских юриста /Д. В. Загорский, Е. А. Москов/, а образование одного ограничилось прохождением курса русской церковно-приходской школы, которую он закончил в... 1888 г. /И. Т. Гладченко/.

Лично я знал только двух из них - проф. J. Raymond и Е.А.Москова; остальных знал заочно, но все ушедшие были близки моим журналам, которые объединяли нас; следовательно, были близки и мне. И моя настоящая заметка говорит о них постольку, поскольку мне приходилось соприкасаться с ними и ни в какой степени не претендует на обзор их жизни и деятельности вообще...

Prof. A. Stacey и Д.В.Загорский были только подписчиками журнала; И.Т.Гладченко был не только подписчиком, но предполагал сотрудничать в журнале, прислал материал для статьи, посвященной русскому языку, но статья не была напечатана из-за смерти автора; Е.А.Москов неоднократно присылал материалы для обоих журналов; Prof. J.J.Raymond был сотрудником первого журнала.

Меньше всего у меня было связей с Dr. A. Stacey. Но я хорошо запомнил его три года тому назад: он был одним из самых первых подписчиков журнала, был очень благожелателен к нему, высказывал некоторые соображения по поводу журнала, и известие о его смерти было воспринято мною в свое время с искренним сожалением.

Я позволю себе привести здесь заметку о нем из BULLETIN of the AATSEEL (Volume VI, #4, page 99).

We regret to report the death on February 6 of Dr. Alexander Stacey, Chairman of the Department of Philosophy at Southwestern University, Georgetown, Texas, and Vice-President of the Texas Chapter. Dr. Stacey, who was born in Russia about 70 years ago, came to the United States after the Revolution. Befriended by a New York pastor, Rev. Fred Stacey, he adopted the latter's name. Dr. Stacey began to study for the ministry, and soon became a Methodist pastor in New York State. During his work toward advanced degrees he taught courses on the Far East and Russia. In 1946 Dr. Stacey became Professor of Philosophy at Southwestern University.

Памяти И.Т.Гладченко, интересного русского самородка, прочитавшего за свою жизнь "больше 3.000 томов" "по всем отраслям знания", я посвятил особую заметку в журнале В помощь русской школе в Америке/ 1948, №4, стр. 18-20/.

Д.В.Загорский! был близок мне не только как подписчик журнала. Сближала нас и общность нашего происхождения и образования/ оба вышли из духовной среды, закончили среднюю духовную школу/. Наши пути разошлись потом- он поступил на Юридический факультет, я- на Историко-Филологический. Член Окружного Суда в до-революционной России, служащий железной дороги в США, церковный староста в своем приходе; на этом последнем посту и настигла его смерть.

Д.В.Загорский постоянно интересовался журналами, был их искренним другом, мы переписывались. У него были живые интересы к вопросам русской культуры, и он продолжал интересоваться литературой по этому вопросу, а ему было за 70.

Он был, несомненно, человеком большой и доброй души, к тому же высоко расценивавшим и небольшие услуги, оказанные ему. В частности, мне удалось оказать ему скромную услугу; точнее, не ему самому, а его родственнику, оказавшемуся во Франции. И Д.В. не находил слов отблагодарить меня, у него возникала даже мысль о поездке из Seattle(Washington) в Medford(Oregon) для выражения признательности мне и личного знакомства.

Не легко терять искренних друзей того дела, которому мы служим.

С профессором J.J. Raymond я познакомился в Нью-Йорке, в Русском Клубе при Колумбийском университете. Знакомство наше было непродолжительно/ я оставался в Нью-Йорке около полугода/, но когда я возвращался на Запад, он, можно сказать, мне "завидовал": его привлекало Тихоокеанское побережье, и он высказывал удовлетворение, устроившись в University of British Columbia (Vancouver, Canada).

После его переезда на запад, наше общение/ письменное/ возобновилось, и он стал сотрудником журнала В помощь преподавателю русского языка в Америке. В журнале напечатана его статья/ на английском языке/ To correct or not to correct. #14, I-6; ему же принадлежит заметка The Fourth Annual meeting of AATSEU of Canada. #15, 26-27.

Очередная его статья, намеченная к опубликованию в журнале, касалась наличия славянских слов в английском языке. Мы условились о помещении этой статьи в журнале- она должна была пройти именно в настоящем номере журнала/1919/. Однако болезнь, заставившая его сначала пойти в госпиталь, а затем и сведшая его в могилу, не дала ему возможности закончить статью.

В другом месте настоящего номера/ стр. 86 / дается небольшая заметка о нем, написанная его коллегой по работе в University of British Columbia - Prof. A. W. Weinman.

Отзывался на смерть Dr. Raymond и Председатель ААТСИИ Dr. A. P. Coleman. Его отклик - на стр. 86 и 87.

Dr. Raymond посвящена небольшая заметка и в BULLETIN of AATSEU of U.S. (Volume VII, #4, page 90).

С Евгением Александровичем Московым у меня было большее общение, чем с кем-либо другим из отошедших.

Наше личное знакомство произошло в Нью-Йорке, в конце 1945 г., но до этого мы знали друг друга по переписке.

Хорошо помню нашу первую встречу у него на квартире, когда он, узнав о моем приезде в Нью-Йорк, прислал мне записку-приглашение зайти к нему "запросто", "по-соседству"/ я жил в одном квартале с ним/ на утренний завтрак-познакомиться, побеседовать.. Хорошо запомнился гостеприимный, доброжелательный, словоохотливый хозяин. Он же, как Председатель Нью-Йоркского Отдела ААТСИЛ ввел меня в Отдел и при нем, как Председателе, мне дважды пришлось выступать с докладами в Отделе.

Не могу не вспомнить с благодарностью, что у него в семье, по его и Ольги Брониславовны приглашению, я встречал Рождественский Сочельник. Невольно обращал на себя внимание состав гостей Е.А.: артист П. Антелеев и я были, так сказать, "случайными" людьми, основная же группа гостей определенно характеризовала Е.А.- это были его ученики по Владимирской Духовной Семинарии/впоследствии - Академии/. Е.А. любил свою молодую аудиторию, своих учеников, и это постоянно чувствовалось в его статьях о Семинарии, в его разговорах, в его хлопотах по Семинарии и личным делам его учеников-студентов.

Не раз и не два я запросто заходил к "Московым"- по делам, за книгой, просто "по-соседству"; иногда Е.А. и я вместе возвращались с докладов, лекций, вечеров, собраний, встречались на улице. А общаться с Е.А. было полезно: он был очень интересным собеседником и рассказчиком, и ему было, что рассказать и о себе.. Присяжный поверенный в России, редактор большой газеты "Южный Край" в трудное время начала русской революции, выезд из России, нелегкая трудо-

вая жизнь в Америке, получение степени доктора философии, преподавательская деятельность/ школа Берлица, Владимирская духовная семинария и академия, Колумбийский университет, частные уроки/, руководство русской гимназией в Нью-Йорке, разнообразная общественная и политическая деятельность, председательствование в Нью-Йоркском отделе ААТСИИЛ, работа в обществе кристов, в обществе "Надежда", журналистика.. Всего не перечесть, да мне и невозможно охватить всей разносторонней деятельности Е.А., особенно в прошлом.

Он с гордостью носил звание доктора философии, полученное им в Колумбийском университете, и его можно понять в этом отношении. Не легко садиться на студенческую скамью на шестом/впрочем, и.б., и на седьмом/ десятке лет, а он сел. Правда, для американцев - это нередкое явление - поступить вновь в университет, на курсы, прослушать курс лекций и т.п., но для нас-русских это-исключение. Интересно знать, найдется ли в Нью-Йорке до 10 человек русских, кто получил звание доктора философии, явившись в Америку уже взрослым, и.б., пожилым и совершенно сформировавшимся человеком. Мне известны немногие. Американцу не трудно позволить себе подобную "роскошь"-вновь стать студентом: обычная материальная обеспеченность, родной язык преподавания, привычная учебная атмосфера, своя, американская молодежь, интересная уже сама по себе для людей другого поколения.. Совсем не то-пойти "на старости лет" в университет нашему брату-пожилому русскому эмигранту да еще поставить себе цель- получение степени доктора философии: нам не только приходится учиться, но и тяжело работать- средств, обычно, у нас нет. А язык преподавания? А иные условия академической жизни американского университета сравнительно с русскими?

А груз тех тяжелых лет, которые выпали на нашу долю со времени нашего вынужденного ухода с родины? Только сильные люди могут преодолеть все встречающиеся на этом пути препятствия, а Е.А. преодолел их..

Несомненно, он перегружал себя работой.. Многие ли из нас продолжают и будут продолжать свою активную деятельность, переступив г. порог исполнившегося 80-летия? А Е. А. не сдавался и после этого, хотя это было ему, конечно, не легко, здоровье давало уже себя чувствовать. Я знаю, как бережно он относился к своему здоровью в нездоровом нью-Йоркском климате, и как нередко он "пенял" мне за мое "легкомыслие" в этом отношении.

Одно время/ в 1946 году/ мы оба были членами Методологической Комиссии ААТСИИ, и у нас была переписка в связи с этим. Пришлось однажды Е.А.-чу выступать от моего имени на съезде членов ААТСИИ в Вашингтоне, в декабре 1946 г. Мне предстояло сделать там два доклада/ 1, О необходимости введения курса методики русского языка в программы американских университетов и 2, О приюте методе/, но, по некоторым обстоятельствам, моя поездка на восток не могла состояться, и на долю Е.А. выпало - дать в сжатом виде обзор обоих докладов, уложивши его в определенный срок. Несомненно, задача была не из легких, особенно если иметь в виду, что ее надо было сделать в обстановке съезда с его многочисленными докладами, встречами с полезными людьми, новыми знакомствами и т.д. А Е.А. не только справился с неожиданной работой, но и вышел из нее с большим успехом. Тогдашний председатель Методологической комиссии проф. Миша Файер писал мне, как умело, на прекрасном русском языке, сжато и в то же время выпукло Е.А. представил аудитории основные положения обоих моих докладов.

До самого последнего времени он сохранил интерес к языку, литературе и другим проявлениям духовной культуры. С большим удовольствием он сообщал мне, что он приобрел 4-ех томный Толковый словарь русского языка, вышедший под редакцией проф. Ушакова и др. Припоминаю его, не только как посетителя моей публичной лекции в Нью-Йорке о гр. А.К.Толстом, но и его подробные и чрезвычайно дельные замечания по поводу этой лекции, которые он высказывал мне на следующий день.

В прошлом году Е.А. оказал мне большую услугу.. Мое близкое знакомство с ним давало мне возможность обратиться к нему с просьбой-выступить в одном из нью-йоркских судебных учреждений в качестве свидетеля о моем нью-йоркском периоде жизни. Е.А. не только исполнил эту мою просьбу, но "подыскал" и другого свидетеля, которым оказалась О.Б.Москова; оба они проявили известные хлопоты, что и отразилось в дальнейшем на получении мною гражданства США.

Храню я его подарок-экземпляр его докторской диссертации, посвященной Чаадаеву, а также и его шуточное обращение ко мне, своего рода "стихотворение в прозе", написанное былинным языком и посвященное мне..

До самой своей смерти не забуду и этой картины...Последняя до некоторой степени рисует те условия, в которых приходилось и приходится работать нам, русским, в том числе и Е.А., даже здесь, в Америке, точнее, в США.

Дело происходило в первой половине 1946 г. в Нью-Йорке, на одном из заседаний Нью-Йоркского Отдела ААТСИИЛ. Обсуждается вопрос о введении русского языка в программы средних школ штата Нью-Йорк. На заседании присутствует представитель Департамента Народного Просве-

щения штата. Выясняются и условия, которым должен удовлетворять преподаватель русского языка. И такой момент.. Поднимается пользующийся всеобщим уважением член Отдела и, обращаясь к представителю Департамента, заявляет: "Извините меня, если я буду говорить о себе - беру себя, как возможный пример.. Я-юрист, окончил в России Юридический факультет Императорского университета. Много лет занимаюсь педагогической деятельностью, в частности, работаю во Владимирской духовной семинарии, веду классы русского языка в Колумбийском университете. Я-доктор философии Колумбийского университета. Спрашивается: имею я право преподавать русский язык в средних школах Нью-Йорка?" И быстрый, категорический ответ: "Нет"... Вопросившим был Е.А.Москов. / От себя добавлю: по штатным законам Нью-Йорка, преподаватель должен или окончить педагогический колледж в США или выдержать специальный экзамен/.

Теперь, после смерти Е.А., испытываешь определенное недовольство собой-сознаешь, что и ты перегружал его.. Не мало писем написал я Е.А., не с одной и не с двумя просьбами я обращался к нему, а на письма надо было отвечать, просьбы и поручения приходилось выполнять, а не легко делать это уже пожилому и без того занятому человеку. Утешает несколько сообщение его вдовы-Ольги Брониславовны, что Е.А. был "большим моим другом".

Смерть Е.А. была для меня неожиданна. Еще в мае настоящего года я имел от него письмо, написанное им самим/"от руки"/; письмо делового характера, по поводу обращения Орегонского отдела ААТСНП в Нью-Йоркский отдел. Обсуждался вопрос, намечались мероприятия.

По другому вопросу я обращался к нему в июне месяце. Он исполнил мою просьбу, но мне ^{стало} известно, что он-болен, в постели, что его письмо, вызванное моим обращением к нему, только подписано им, при чем подпись сделана карандашом. Припоминается, что в газетной заметке/НРС/ об экзаменах в школе Общества "Наука" / в Нью-Йорке/, отмечалось отсутствие Э.А. на экзаменах, а он всегда присутс^{тв}овал на них; указывалась и причина отсутствия-болезнь. Но только после смерти Евгения Александровича я узнал, что это была и серьезная и тяжелая болезнь, с которой ему уже не удалось справиться..

И перед свежей могилой незаурядного русского человека невольно обнажаешь и склоняешь голову...

Н.П.Автономов.

Хроника.

Из жизни ААТСИИЛ США и его Орегонского отдела.1. Вступление в должность Президента Колледжа

проф. Arthur P. Coleman.

В жизни ААТСИИЛ США произошло очень заметное событие: создатель организации, ее бессменный секретарь и казначей до 1949 г., редактор Бюллетеня организации до 1948 г., Председатель организации с 1949 г. проф. А.Р. Coleman вступил 4 июня н.г. в должность Президента of Alliance College. Это первый случай в жизни организации - ее член становится Президентом колледжа!

ААТСИИЛ достойным образом отметил это событие - на церемонии было много членов ААТСИИЛ, были приветствия от учреждений, от организации, ее отделов. ААТСИИЛ Канады принял живое участие в церемонии.

Прислал свое приветствие Председателю организации и Орегонский отдел, а редактор настоящего журнала приветствовал нового Президента колледжа и от своих журналов и лично от себя.

2. Смерть of President of AATSEEL of CANADA J.J. RAYMOND и Председателя Нью Йоркского отдела ААТСИИЛ Е.А. Москова.

AATSEEL of U. S. и Canada понесли тяжелые утраты: скончались доктора философии - J.J. Raymond и Е.А. Москов.

Отклик редактора настоящего журнала на смерть лично ему знакомых видных деятелей ААТСИИЛ в статье, помещенной в настоящем номере журнала - Памяти отошедших/ стр. 76-87/.

3. В Орегонском отделе ААТСИИЛ США.

Несколько дальнейших страниц рисуют проявление деятельности Орегонского отдела, не лишены, по мнению редактора, своего интереса не только для членов данного отдела...

Коллегам по Орегонскому отделу ААТСИИЛ.

Очередная наша встреча произойдет, вероятно, в Портланде 26 марта н.г.

Нелегко, конечно, нам собраться в Портланде: для этого надо проехать из Медфорда больше 300 миль, из Юджина — больше 120, а из Корваллиса — 90 миль, но таковы условия работы нашего отдела, на которые мы обращали внимание ААТСИИЛ при самом своем возникновении / два года тому назад/.

На нашем собрании нам придется выбрать Президиум отдела на 1950-ый год; обменяемся соображениями о своей работе и наметим план нашей деятельности на настоящий год. Отдельные члены отдела приглашаются выступить с любыми сообщениями, относящимися к нашей деятельности.

Лично мне хотелось бы предложить коллегам обсудить два вопроса.

Первый. Вопрос о желательности переиздания Руководства по изучению русского языка Поля Буайе.

Как известно членам отдела, мною, как редактором журнала "В помощь преподавателю русского языка в Америке", посвящен памяти Поля Буайе последний номер журнала за 1949 г./№№17-18/. Среди статей указанного номера имеется и большая статья редактора журнала/24-77 стр./, рассматривающая и оценивающая указанное Руководство Поля Буайе.

Мы знаем, что недавняя попытка переиздать в США Руководство Поля Буайе не увенчалось успехом. А между тем Руководство — чрезвычайно ценное пособие для преподавателей и студентов при изучении и обучении русскому языку; но, к сожалению, многие преподаватели не знакомы с этим Руководством, так как оно не переиздавалось в США с 1926 г. И меня, как автора статьи о Руководстве, запрашивают читатели: где взять Руководство, что надо сделать для его переиздания? Даются и советы по последнему вопросу, м.б., не вполне осуществимые, но свидетельствующие, во всяком случае, о явной заинтересованности Руководством.

И мне хотелось бы спросить себя и коллег по Орегонскому отделу: а не можем ли мы сделать что-нибудь полезное в этом отношении? И я позволяю себе поставить коллегам вопрос: не сможем ли мы, как отдел ААТСИИЛ, обратиться ко всем другим отделам нашей организации с предложением-просьбой — обсудить вопрос о желательности переиздания Руководства и высказаться так или иначе по этому вопросу. Между прочим: ААТСИИЛ, как организация, до некоторой степени высказывал свое отношение к Руководству. По крайней мере, несколько лет тому назад, когда в организации

был поставлен вопрос о желательности выработать особый список слов, необходимых для проработки на первых стадиях изучения русского языка, то Руководство Поля Буайе было названо одним из первых. Понятно, конечно, что обсуждению вопроса о желательности переиздания Руководства должен был бы предшествовать соответствующий доклад. Это несколько осложняет вопрос, но, м.б., коллеги по Орегонскому отделу могли бы одобрить такой мой план:

А.Я передаю в распоряжение нашего отдела некоторое количество номеров своего журнала /№№17-18/, посвященного памяти Поля Буайе, -соответственно числу отделов нашей организации;

Б. Отдел от своего имени рассылает по всем другим отделам ААТСИИЛ по экземпляру указанного номера, как материал по обсуждению вопроса о переиздании Руководства;

В.С своей стороны отдел высказывается за желательность переиздания Руководства, сообщает об этом другим отделам нашей организации и доводит об этом до сведения как Правления ААТСИИЛ, так и редактора Бюллетеня нашей организации;

Г.В дальнейшем, в зависимости от откликов отделов ААТСИИЛ по настоящему вопросу, Правление нашей организации могла бы войти в нужные сношения с соответствующими издательствами/если, конечно, признает для себя возможным сделать это/.

Второе. Как все мы хорошо знаем, нам не удалось встретиться в один из зимних месяцев - помешала и погода/точнее, непогода/ и наши Орегонские расстопания. Но мы были в общении друг с другом, сообщая Председателю отдела данные о своей работе в течение 1949 г.- для осведомления им других коллег отдела.

Как мне кажется, данные эти довольно интересны и заслуживают того, чтобы они были опубликованы и сообщены другим отделам ААТСИИЛ. Это было бы полезно и в том отношении, что мы могли бы продолжать свою связь с другими отделами, которую начали в 1948 году. Как обладающий некоторыми техническими приспособлениями, я мог бы взять на себя, с согласия отдела, обработку имеющегося материала, отпечатание его и передачу в распоряжение отдела. Эти данные, при согласии коллег отдела, могли бы быть разосланы по отделам нашей организации вместе с предложением обсудить вопрос о желательности переиздания Руководства Поля Буайе.

.....

Рассылая настоящее обращение коллегам по Орегонскому отделу, я хотел бы заранее сообщить им свои точки зрения по указанным вопросам и тем облегчить обсуждение их на нашем собрании, а последние, как всем нам хорошо известно из практики и жизни нашего отдела, происходят "от автобуса до автобуса"... Так приходится нам работать на "Дальнем Западе" США.

18 марта 1950 г.
Медфорд, Орегон.

Председатель отдела Н.П.Автономов.

ОРЕГОНСКИЙ ОТДЕЛ
АМЕРИКАНСКОЙ АССОЦИАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ СЛАВЯНСКИХ И
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ.

По поручению отдела, сообщаем Вам постановление, принятое на заседании отдела 26 марта 1950 г., в связи с докладом Н.П.Автономова о желательности переиздания Руководства по изучению русского языка Поля Буайе:

1. Признать желательным переиздание Руководства Поля Буайе.
2. Обратиться ко всем отделам Ассоциации с просьбой-предложением- обсудить вопрос о желательности переиздания Руководства и высказаться по этому вопросу.
3. Просить отделы Ассоциации, рассматривающие этот вопрос, сообщить свои постановления Правлению Ассоциации.
4. Довести до сведения Правления Ассоциации о настоящем обращении нашего отдела к другим отделам Ассоциации.
5. Сообщить настоящее постановление Редактору Бюллетеня Ассоциации.
6. Ввиду того, что Руководство Поля Буайе давно разошлось, и иногда возникают затруднения найти его, - разослать от имени отдела по другим отделам Ассоциации №№ 17-18 журнала Н.П.Автономова "В помощь преподавателя русского языка в америке", как возможный материал для суждения по вопросу о желательности переиздания Руководства /указанный номер полностью посвящен памяти Поля Буайе/.

Указанный номер журнала одновременно препровождается Вам.

Отдел будет очень признателен Вам, если Вы сочтете возможным сообщить нам, как отнесется Ваш отдел к настоящему нашему предложению.

Председатель отдела Н.П.Автономов.

Секретарь

MARJORIE Mrs DONALD

Профессору А.П.Колману, Председателю Американской Ассоциации преподавателей славянских и восточно-европейских языков.

Глубокоуважаемый профессор Колман,

Наш Орегонский отдел взял на себя смелость обратиться к коллегам других отделов нашей Ассоциации с просьбой-предложением-поставить на обсуждение вопрос о желательности переиздания Руководства по изучению русского языка Поля Буайе.

Позвольте обратить Ваше внимание на три положения в этом вопросе.

- 1, Должен откровенно сказать, что мы/наш отдел/ не знаем, возможно ли вообще ставить а, подобные вопросы б, на обсуждение других отделов нашей Ассоциации.

В свое время, при самом возникновении нашего отдела, мы обращали внимание Ассоциации на отсутствие положений, регулирующих деятельность отделов, их взаимоотношений с Правлением Ассоциации и с другими отделами, но, как мне кажется, в этот вопрос не внесена еще необходимая ясность. Поэтому, если мы/наш отдел/ "превысили" свои полномочия, - в этом не наша только вина, и она простительна тем более, что наш отдел и молодой/ ему только третий год/, и малочисленный, и к тому же затерявшийся где-то на Крайнем Западе США.

2, Когда мы ставим вопрос о желательности переиздания Руководства Поля Буайе, то мы полагаем, что отделы нашей Ассоциации подходят к этому вопросу чисто академически: они высказываются за или против желательности переиздания указанного Руководства; возможно и третье положение - они воздерживаются от вынесения определенного постановления по вопросу. Как можно видеть из моего обращения к коллегам по Орегонскому отделу от 18 марта н.г., мы считаем, что окончательное решение по данному вопросу принадлежит Правлению Ассоциации. Но и в том случае, если последнее, на основании полученных откликов отделов по поставленному вопросу, тоже признает желательным переиздание Руководства, - оно обращает на это внимание кого следует/имеются в виду, главным образом, книгоиздательства/, не принимая на себя никаких обязательств в связи с этим: техническая сторона дела - вне Ассоциации и ее отделов; это дело других, м.б., тех, кто уже ставил этот вопрос/об этом писала Е.М.Двойченко-Маркова в своей статье Полю Буайе и его метод преподавания русского языка иностранцам. Журнал "В помощь преподавателя русского языка в Америке", 1949, №17-18, стр. 17-21/.

3, Мы признаем, что наше обращение к отделам Ассоциации в конце апреля месяца - не вполне удобное время для обсуждения поставленного нами вопроса: возможно, что некоторые отделы уже провели свои весенние собрания. Но это не меняет сущности дела - обсу-

дить поставленный вопрос можно и позже; важно другое: поставить вопрос, высказаться по нему и сообщить постановление отдела Правлению Ассоциации для дальнейшего разрешения вопроса.

Позвольте добавить, что мое данное обращение к Вам /с приложением моего письма коллегам по Орегонскому отделу от 18 марта н.г./ в копии рассылается по отделам нашей Ассоциации.

Наш отдел, как и я, в частности, были бы очень признательны Вам, если бы Вы сочли возможным сообщить нам свою точку зрения по поставленному нами вопросу.

(Вместе с \$1.50.)

С искренним уважением и лучшими пожеланиями
Н.П. Автономов.

Both these books are available in North America through Clark, Irwin & Company Limited, Toronto, Canada.

These two books which have recently appeared will prove useful to those engaged in the teaching and study of the Russian language.

The "Intermediate Russian Reader" is an excellent production. It is well bound and clearly printed and contains a number of interesting readings which serve to illustrate the text of some of the lessons. The letters are chosen from 19th and 20th century Russian literature and are well selected from several Soviet writers. There is moreover a reasonable balance between the amount of poetry and prose. The stress is worked throughout and there is a good and complete vocabulary at the end of the book.

Although the author has provided a number of notes to explain some of the more difficult words and phrases and draw attention to idiomatic expressions, one feels that the book not fully illustrates the difficulties encountered by the average student when he has mastered the essentials of Russian grammar and the general idea of the pronunciation of consonants. It would also have been helpful if the vocabulary had given the imperative and participial aspects of every verb encountered. It is my experience that the student likes to be made familiar with both forms wherever he meets a new verb.

In order fully to illustrate the above points I set forth what I consider would have been useful additional notes in the first story in the book, "Time to Get Up" by Zoshchenko.

The word "один" has the meaning here of "a certain", which is not given in the vocabulary. It would, however, be as well to point out that the phrase "to be late" is expressed in Russian by a single verb "позднаться", p. pozdnatsya (fer) (na + sool).

БИБЛИОГРАФИЯ.

By: A. W. Wainman, Assistant Professor of Slavonic Studies.

University of British Columbia.

"Intermediate Russian Reader", by Natalie Duddington, M. A.
(Harrap) \$1.50.

"Structure Drill in Russian", by F. S. Branigan and V. Jukova (Lund Humphries & Co Ltd.) \$1.50.

Both these books are available in North America through Clarke, Irwin & Company Limited, Toronto, Canada.

These two books which have recently appeared will prove useful to those engaged in the teaching and study of the Russian language.

The "Intermediate Russian Reader" is an excellent production. It is well bound and clearly printed and contains a number of amusing drawings which serve to illustrate the text of some of the stories. The latter are chosen from 19th and 20th century Russian literature and include extracts from several Soviet writers. There is moreover a reasonable balance between the amount of poetry and prose. The stress is marked throughout and there is a good and complete vocabulary at the end of the book.

Although the author has appended a series of notes to explain some of the more difficult words and phrases and draws attention to idiomatic expressions, one feels that she does not fully appreciate the difficulties encountered by the average Anglo-Saxon student even when he has mastered the essentials of Russian grammar and the general idea of the permutations of consonants. It would also have been helpful if the vocabulary had given the imperfective and perfective aspect of every verb encountered. It is my experience that the student likes to be made familiar with both forms wherever he meets a new verb.

In order fully to illustrate the above points I set forth what I consider would have been useful additional notes to the first story in the book, "Time to Get Up" by Zoshchenko.

The word "ОДИН" has the meaning here of "a certain", which is not given in the vocabulary. It would, moreover, be as well to point out that the phrase "to be late" is expressed in Russian by a single verb "опаздывать", р. опоздать (for) (на + acc).

Another fact to be emphasized is the Russian habit of repeating the idea expressed by a verbal prefix in a preposition following the verb, e.g. "доходить + gen.", "входить в + acc.". In English one would say: "He enters the room", with the meaning "into" expressed solely in the verb or "He goes into the room", in which case the idea of entry is contained not in the verb, but in the preposition. Russian here follows the German practice: "Er geht in das Zimmer hinein". Occasionally, however, in English also the idea of the verbal prefix is repeated in a preposition, e.g. "приделаться + dat." would be translated "to attach to".

Another fact worth mentioning is that the prefix "вы" in perfective verbs is always stressed, e.g.

The expression на пол and others such as "за руку", "под руку" etc., raise a particularly interesting matter in connection with the problem of stress. As a rule Russian prepositions are proclitic, i.e. they yield their stress to the word following them. In the above examples, however, the stress has shifted to the preposition and the noun has become enclitic.

Mention might also be made of the fact that Russian lacks certain comprehensive nouns which exist in English. It has "кровать - bedstead" and "постель - bedding", but no general word for "bed" expressing both together. For this either "кровать" or "постель" must be used, in which case these words assume a broader meaning than their literal one.

The above are some of the points which struck me as needing explanation in the first story of the book. Time and space do not permit a detailed elaboration of the whole.

"Structure Drill in Russian" contains a number of everyday phrases and is a useful supplement to the ordinary grammar for students who are doing their second year of the language. The English sentences are given on one page and the Russian translation on the opposite one.

It is unfortunate, however; that although a space is left for notes and explanations at the foot of every page, very few notes are in fact given. And even where they do appear, they often fail (as on page 5) to explain why a certain sentences must be translated in a certain way. Educated Russians whom I have consulted have in fact expressed the opinion that the conjunction "хотя" and the phrase несмотря на то, что which serves as a conjunction, are interchangeable in every instance, although the latter may give additional emphasis.

2. Russian in songs by Anna Lavenska. Instructor in Russian language. University of Washington. Seattle. University of Washington press, 1949, pp. 79. Price \$2.50.

В рассматриваемом сборнике даны следующие песни, которые приводятся здесь в том же порядке, в каком они помещены в сборнике:

Козлик / The kid /, Птичка. "Птичка над моим окном гнездышко для деток вьет / Birdy /, Речка. "Белым снегом заметало луг и лес кругом" .. / The stream /, Утушка. "Ах, утушка луговая.." / Duckling /, В хороводе были мы / Dancing in a ring /, Как на горе калина, под горой малина / The mulberry tree /, Выйду я на реченьку / I shall walk to the river /, Сударыня / "Пожалуйста, сударыня, сядьте со мной рядом" .. / Sudarynia /, Во кузнице / In the blacksmith shop /, Тройка. "Тройка мчится, тройка скачет" .. / Troika /, Березанька / The birchtree /, Деревенская страда / Harvest-time in the village /, Ночка. "Ночка, моя ночка, ночка темная, ах, ночка темная, да ночь осенняя, да молодка, молодка молоденькая..." / Night, my somber night /, Уж я золото хороню, хороню / Golden ring I hide away /, Из страны, страны далекой .. / From the far distant land /, Наша жизнь коротка / Life is fleeting /, Мой костер / My campfire /, Эх, распашел / Eeh, gaspashol /, Очи черные / Dark eyes /, Утес Стеньки Разина / The cliff of Stenka Razin /, Любовь разбойника. "Полюбил всей душой я девицу" .. / The bandit's love song /, На солнечной поляночке. "На солнечной поляночке, дугой выгнув бровь, парнишка на тальяночке играет про любовь" .. / Upon a sunny meadow /, Наш тост. "Если на фронте с нами встречается несколько старых друзей" .. / Our toast /, Дунушка колхозная. "На широко поляшко, на машине-тракторе выезжали молодцы, молодые пахари" .. / The farmer's thoughts /.

В предисловии к сборнику песен автор высказывает некоторые свои соображения о русской песне.

По мнению составителя сборника, песня — не только отдых, удовольствие, эстетическое переживание. Песня является в то же время и учебным материалом, и имеет поэтому учебное значение:

- 1, она обогащает словарь студентов,
- 2, знакомит с русскими уменьшительными именами существительными и некоторыми другими формами русской речи, которые не часто можно найти в учебниках русского языка,
- 3, помогает усвоить идиомы русского языка,
- 4, способствует выработке правильного произношения.

Приводимые в сборник песни составитель разделяет на пять групп: 1, детские, 2, студенческие, 3, цыганские, 4, баллады, 5, современные советские песни. Составитель сборника отмечает, что предлагаемые им песни не являются наиболее известными в США русскими песнями, так как выбор их сделан и из учета их учебного значения.

И так как некоторые из приведенных в сборнике песен сравнительно мало известны в США, мною выше даны не только названия песен, но приводятся иногда и первые слова песен тем более, что иногда, по названию песни, можно предполагать другое содержание песни.

Как намечена составителем проработка песни, как учебного материала?

Здесь нужно отметить следующие моменты:

- 1,Прежде всего, дается русский текст песни,
- 2,Дальше идет перевод песни на английский язык / в стихах/,
- 3,После перевода приводятся слова песни в тех именно формах, которые встречаются в песне, с переводом этих слов, выражений, идиомов на английский язык,
- 4,Наконец, идет музыка к песне, при чем слова под нотами даются на обоих языках- русском и английском.

Между прочим: стихотворный перевод русских песен на английский язык сделан студентами русского языка Вашингтонского университета Clayton L. Dawson и Richard Smircich.

Рассматриваемая работа заслуживает, конечно, большого внимания, как первый, насколько нам известно, опыт в Америке составления сборника песен, подход к которому особый- учебный. Как и всякая пионерская работа, она не может претендовать на безукоризненную разработку вопроса при первоначальной попытке его разрешения; в частности, на отсутствие ударений в сборнике уже указано в небольшой рецензии, помещенной в БЮЛЕТЕНЕ ААТСИЛ/ от 15 марта 1950 года/. Можно говорить о подборе песен, можно интересоваться наиболее нормальным и рекомендуемым порядком проработки песен сборника, можно ставить вопрос о границах грамматического подхода к тексту песен и т.д. Но нельзя забывать и того, что автор, составитель сборника- но новичок в данной области и имеет уже достаточный опыт. Сборник песен- плод наблюдений и работ составителя в течение нескольких последних лет... В 1948 году А.Лавасиа выступала

на Портландском съезде членов ААТСИИЛ с докладом этому же вопросу/он. №11-12 журнала В помощь преподавателя русского языка в Америке/, но работать в этой области она начала несколькими годами раньше.

До сих пор перед моими глазами стоит картина....

1944 год, февраль месяц. Военные студенты Орегонского штатного колледжа в Корваллисе, изучающие русский язык, встречают гостей: из Юджина, тоже штата Орегон, приехала со своими преподавателями и профессорами группа военных студентов, тоже изучавших русский язык/ в Юджинском университете/. Хозяева приготовились к встрече- устроили хорошее угощение в русском стиле с неизменным самоваром, приготовили и разыграли на русском языке пьеску собственного сочинения и спели несколько русских песен. Спели хорошо: песнями они увлекались, были голоса, был и свой "регент"- из студентов же. Песни были, своего рода, "козырями" у хозяев: последним хотелось показать "свои достижения" в этом отношении, а, м.б., и похвастаться ими. Присутствовавшая публика с удовольствием прослушала песни, поблагодарила исполнителей. А затем гостей попросили спеть что-нибудь.. Юджинцы не заставили долго просить себя, быстро составили группу, и неожиданно/ для меня, во всяком случае/ перед группой рослых, пышущих здоровьем американцев-военных, появилась маленькая русская женщина. Момент-женщина начинает управлять хором, и присутствовавшие имели возможность видеть, как эта маленькая женщина уверенно ведет свой хор, держит его в своих руках, и какими, оказывается, сыгранным музыкальным инструментом в ее руках является эта группа американских военных,

послушная всякому ее малейшему знаку... Впечатление от выступления юджинцев было очень сильным... Они исполнили несколько песен, и публика неохотно отпускала их "со сцены", требуя русских песен еще и еще. Хозяевам и присутствовавшим было ясно, насколько юджинцы далеко впереди стоят сравнительно с хозяевами в исполнении русских песен. А "дирижером" юджинских студентов был не кто иной, как составитель рассматриваемого нами сборника Анна Лаваска, работавшая тогда в Орегонском университете/Юджин/....

Рассматриваемый нами сборник русских песен должен вызвать к себе интерес: русскими песнями американские студенты увлекаются, и в умелых руках преподавателя это увлечение может дать прекрасные результаты, а Анна Лаваска своим сборником значительно облегчает возможность достижения этих результатов.

Н.П.Автономов.

THE PROGRAM OF THE JOURNAL

1. THE AMERICAN SYSTEM OF EDUCATION.
2. THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE REPUBLICS OF USSR.
3. TEACHING OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN EUROPE, ASIA AND OTHER PARTS OF THE WORLD.
4. METHODOLOGY AND TEACHING TECHNIQUE OF THE RUSSIAN LANGUAGE.
5. THE PROBLEM OF THE PEDAGOGICAL TRAINING OF TEACHERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE.
6. ANALYSIS AND EVALUATION OF TEXT-BOOKS, AND OTHER EDUCATIONAL FACILITIES.
7. GRAMMATICAL PROTECTION AND RETENTION OF PURITY OF STYLE IN THE RUSSIAN LANGUAGE.
8. AN ACCOUNT OF SCHOOLS, ORGANIZATIONS, INSTITUTIONS, SOCIETIES, AND CLUBS, WHERE THE RUSSIAN LANGUAGE IS TAUGHT.
9. PERSONALITIES EXPOUNDING THE RUSSIAN LANGUAGE.
10. INFORMATION.
11. BIBLIOGRAPHY.
12. REFERENCES.
13. MISCELLANY.
14. LETTERS TO THE EDITOR.
15. ~~ADVERTISEMENTS.~~

THE JOURNAL IS ISSUED BI-MONTHLY

SUBSCRIPTION RATE:

\$3.00 PER YEAR, \$1.70 PER 6 MONTHS, 65c PER COPY

THE PUBLISHER-EDITOR:

N. P. AVTONOMOFF, 1000 EAST 11TH STREET

MEDFORD, OREGON, U. S. A.